

ИДПАНТА
Таша



Теровете

СНЕЖИЖИЖИ

СОВРЕМЕНА И МОЛАДАВЕННА ПРОЗА

Родители всегда оберегали меня от грязной реальности, но, увы, всему когда-то приходит конец. Теперь я одна. Чужой город. Отстранённые люди. Серость и суета вокруг. Я пытаюсь жить нормально и не вспоминать о прошлой жизни. Временами даже удаётся. Я погружаюсь с головой в учёбу. Игнорирую родственников. Выживаю, как умею. Но всё меняется, когда меня вырывают из привычной среды и кидают в клетку с шакалами. И я сейчас не о животных, а о новых одноклассниках.

— Тебе понравится квартира, — голос женщины, которая сидит за рулём старенькой иномарки серебристого цвета, доносится до меня еле внятным гулом, — не такая, как раньше у нас была, но всё же... У тебя будет отдельная комната. Мебель привезут вечером. Пока оборудована лишь кухня и зал... Лиз?

Я не хочу поворачиваться в её сторону. Тело протестует. Душа выворачивается наизнанку. Вены превращаются в туго натянутые спицы. Даже от едва заметного движения по тканям распространяется невыносимая боль. Проще рассматривать проезжающие мимо машины и людей, которые спешат по своим делам. Лучше тонуть в хмуром дне, чем упиваться гневом, который вызывает эта женщина. Моя мать... Сейчас язык не поворачивается назвать её *мамулей*, как несколько лет назад. Той женщины для меня больше нет. Она умерла, как бы жестоко это ни звучало.

— Я понимаю, что ты на меня обижена, но... Лизонька... Доченька... Я пытаюсь всё исправить... — скриплю зубами, улавливая нотки горечи, проскальзывающие в банальных фразах, и продолжаю пялиться в открывающийся вид за окном. Город большой. По сравнению с нашим просто огромный. Множество бутиков и торговых центров. Высокие серые здания, поблескивающие от дождя, который не прекращает моросить, пока автомобиль движется в направлении новой школы.

Я должна переживать по поводу предстоящего знакомства с одноклассниками, но в грудной клетке выжгли эмоции. Там по всей территории расплзлась пугающая пустота, словно и не было никаких чувств до этого момента. Ни волнения. Ни страха. Ничего. Пустыня. Горечь. И равнодушие. Всё, чем я могу похвастать. Вряд ли такой расклад устроит творческую натуру моей матери, поэтому я молчу, чтобы не испортить ей *прекрасный день*. Воссоединение семьи — это же событие мирового масштаба. *Нельзя, Лизонька, таить в себе обиду. Это разрушает твоё энергетическое поле.*

Большого бреда не слышала за все семнадцать лет своей жалкой жизни. Жанна Павловна умело делает вид, будто у нас всё хорошо, и не было пяти лет её отсутствия. Удобно. Кинуть свою дочь, когда той исполнилось двенадцать, и забрать практически в день совершеннолетия. Так и хочется захлопать в ладоши и закричать во всё горло: «Спасибо, мамуля! Я безумно рада, что ты в очередной раз разрушила мою жизнь! Искренне благодарю тебя!». Вот только я сдерживаю слова глубоко внутри себя и шумно выдыхаю, увидев кованые ворота с известной эмблемой «МиР». Всё-таки разрушающих изменений в жизни мне не избежать. И от осознания этого факта в районе солнечного сплетения закручивается тугая пружина. Кажется, ещё немного и от её вибраций лёгкие лопнут. Неприятно.

Мама останавливает машину у входа, и я сразу открываю дверь, щелкнув ремнём безопасности. Успеваю сделать пару шагов до ворот, но Жанна Павловна встаёт у меня на пути. Я поджимаю губы и складываю руки на груди, смотря поверх её плеча. Сейчас она совсем другая. Ухоженная. Короткая стрижка. Красивый макияж, который подчёркивает достоинства её внешности. Классический костюм развязного стиля. Брюки и пиджак со штрипками. Ботфорты на высоком треугольном каблуке. Не женщина, а манекен с выставки моды. Идеальная до появления рвотного рефлекса.

— Твоя классная руководительница, Олеся Викторовна, знает, что мы только сегодня приезжаем, — она скашивает взгляд на школьников, которые проходят мимо нас, — форму

для тебя я сегодня заберу. Не переживай.

Не могу сдерживать кривой улыбки и едкого смешка. Они прорываются сквозь железную оболочку моего равнодушия и попадают точно в цель. Лицо Жанны бледнеет, но она умело маскирует истинные чувства под маской доброжелательности.

— Лиз, — протягивает руки, чтобы коснуться моих, но я дёргаюсь в сторону, — зачем ты так? Я же для тебя стараюсь...

— Для меня? — прищуриваюсь, пытаюсь разглядеть в её глазах хоть малейшее понимание того, что она натворила, но там, как и у меня в душе, пусто. — Плохо стараетесь, Жанна Павловна. Нужно лучше.

С гулким грохотом сердца двигаюсь вперёд, задевая маму плечом. Как бы я ни старалась отключить функцию воспроизведения воспоминаний, они прорывают брешь и всплывают перед глазами. Тахикардия — малое побочное действие, которым меня накрывает, пока картинки сменяют друг друга. Я игнорирую любопытные взгляды ребят и поднимаюсь вверх по ступенькам. На мне старые чёрные джинсы, синяя водолазка, тёплая дутовая жилетка в тон джинсам и лоферы. Я кардинально не вписываюсь в окружающую меня обстановку, особенно со своим рюкзаком, повидавшим жизнь. Смехотворное представление ради улыбки на лице Жанны Павловны.

— Вход по пропускам, — слышу голос бдительного мужчины на входе и достаю из кармана карточку, которую мне вручила мама. Он кивает на турникет, и я с тяжёлым сердцем миную пост охраны, приложив прямоугольный пластик к сенсорному датчику.

Ноги сами ведут меня вверх. Второй этаж. Девятнадцатый кабинет. Русский язык и литература. Без энтузиазма смотрю на открытую дверь и переступаю порог, не раздумывая. Шум и гам в помещении резко затихает, пока я равнодушно веду по высокомерным лицам взглядом. Ничего кроме отрешенности от происходящего не транслирую.

— Ты, наверное, Лиза? — обращается ко мне темноволосая женщина. На её тонких губах играет радушная улыбка. Глаза приветливо улыбаются. На вид классной руководительнице лет двадцать пять. Молоденькая совсем. Красивая. На её вопрос я лишь киваю. — Хорошо, подожди секунду.

Я застываю на месте около доски и наблюдаю за тем, как Олеся Викторовна закрывает дверь в класс и идёт к учительскому столу, потирая руки.

— Чтож, стервятники мои, — плещет позитивом в ребят, на которых я не обращаю никакого внимания, — прошу любить и жаловать Елизавету Кирьянову, вашу новую одноклассницу.

Шепотки. Странные возгласы, не похожие на проявление радости. *Великолепный приём.*

— Олеся Викторовна, а нужно прям любить? Или полюбивать на перемене будет достаточно? — умное изречение прилетает с последней парты, но я даже бровью не веду, когда все начинают смеяться.

— Перестаньте! — классная хлопает ладошкой по столешнице. — Лабуков, за остроумие остаёшься на допы по литературе!

— Да я же...

— Протест отклонён, — Олеся Викторовна поворачивается ко мне и снова улыбается, — расскажи нам о себе, Лиза, — сопровождает свои слова изящным движением руки.

— Вы уже всё сказали. Елизавета Кирьянова. Новенькая, — отзываюсь, поглядывая в окно, — куда мне сесть?

Классная руководительница удивлённо приподнимает бровь, наверняка ожидая от меня чего-то большего.

— Это всё? — киваю. — Займи свободное место. Позже заберёшь у меня все необходимые учебники, а мы продолжим изучать тему.

Я скольжу взглядом по классу и нахожу единственную парту, за которой никто не сидит. Первый ряд. Последняя. Я больше люблю сидеть у окна, но тут выбирать не приходится. С грохотом кидаю рюкзак на стол и со скрипом отодвигаю стул. Не намеренно. Просто так получается. Тело, словно ватой набили. Оно не принимает команды, поступающие от мозга. Сажусь и натываюсь на осуждающий взгляд учительницы. Смирненно складываю руки перед собой, делая вид, что внимательно её слушаю.

— Выпендрёжница...

Шепотки слева долетают до ушей быстрее, чем речь учителя. Я стискиваю зубы крепче, чтобы не ляпнуть гадость в первый же день.

— Маршал её на место поставит...

Я достаю телефон из кармана рюкзака и захожу в галерею с фотографиями. Переключаюсь на снимки полностью, игнорируя недобрые взгляды и обсуждения за моей спиной. Плевать. Мне осталось учиться чуть больше полугода. Как-нибудь переживу.

«Мир» — местная гимназия с углубленным изучением материала по всем дисциплинам. Называя это учебное заведение школой, я его *сильно оскорбляла*. Да простит меня её создатель! Так как я до сегодняшнего дня училась в простой школе для среднестатистических детей, все слова учителей пролетали мимо моих ушей и даже не цеплялись за мочки. Я критически отставала по каждому предмету и не знала, какое чудо должно произойти, чтобы ЕГЭ и остальные экзамены не распотрошили мой несчастный мозг. В начальных классах я, как многие, приносила домой лишь пятёрки, потом к ним прибавились четвёрки, а после смерти папы я была стопроцентной хорошисткой, с гордостью ставя себе лишь одну красивую пятёру по изобразительному искусству. В ОБЫЧНОЙ школе. На что надеялась Жанна Павловна, когда запикивала меня в престижное заведение, не понятно. Я точно не порадуя её аттестатом с красными корочками. К окончанию последнего урока я уже думала о том, что скорее всего буду довольствоваться справкой о прохождении обучения. Я чувствовала себя крайне глупой среди ребят одногодок, которые смотрели на меня свысока, но с интересом, будто я редкий зверёныш. Их взгляды вызвали мерзкое ощущение в районе живота, и мне всё сильнее хотелось попасть в ванную комнату, чтобы смыть с кожи липкую заинтересованность ребят.

После первого урока мне выдали гору учебников, половину которых я несла в руках. Разговоры за спиной не затихали. Перешёптывались, конечно, девчонки. Я старалась отключить слух по максимуму, но оказалось, что любопытство в моей душе занимает не последнее место. Они обсуждали мой внешний вид. Нашли самую плохую характеристику. Я, естественно, молчала и не смотрела в их сторону. Пока меня не трогают, я веду себя спокойно. Меня трудно назвать неуравновешенным человеком. В большинстве случаев я игнорирую конфликты, считая их пустой тратой времени. Нам его не так много отведено, как показала практика, и тратить драгоценные минуты на выяснение отношений смерти подобно.

Первая половина дня проходит в прострации. Я вроде присутствую в гимназии, но в тот же миг улетаю в свою прошлую жизнь, которую мама эгоистично у меня забрала. Я злюсь на неё. Очень сильно. В свободные минутки переписываюсь с Женей, своей единственной подружкой, и рассматриваю наши совместные фотографии, усиливая тоску. Она обрушивается на меня внезапно, как снежный ком. Кажется, что я задохнусь от нехватки кислорода, погрязая в своей томящей печали, но, к сожалению, процесс дыхания не прекращается. Я брожу по кабинетам, будто зомби, не проявляя активности. Просто ношу своё тело по коридорам, не запоминая расположение классов. Зря, конечно. Делаю хуже только себе.

Когда занятия подходят к концу, я с чувством облечения покидаю здание и, бросив свой рюкзак на ступеньку, сажусь сверху. На коленях покоится груда учебников, на которые я опускаю голову. С трудом представляю выполнение заданий. Здесь дают такой объём домашки, что о других сферах жизни можно попросту забыть. Попрощаться с курсами по иллюстрации я не готова. Слишком долго копила на них и планировала заниматься творчеством, как... Жанна Павловна. Она у меня художница-авангардистка. Неординарная личность, привлекающая внимание. Талант я унаследовала от нее, но благодарить за это не собиралась.

Не могу я простить её! За эгоизм! За то, что бросила меня, когда была нужна, как кислород! Ненавижу! Ненавижу Жанну за равнодушие!

— Смотри, Тоша, — за спиной слышится стук каблуков, — у нас в классе теперь беспризорница, — я лишь шумно выдыхаю, поглядывая за ворота, пока надо мной потешаются новые одноклассники. — Как тебе?

— Никак.

— И правильно, — явно кокетничает крашеная блондинка, проходя мимо меня. Рядом с ней идёт высокий парень. Позади ещё несколько ребят. Снова прилипают к моей персоне. Шепотки. Противные смешки.

Тот самый Тоша вдруг оглядывается, и я дышать перестаю. Таких людей называют «сошёл с обложки журнала». До неприличия красивый парень, но в классе я его не видела. Значит, учится в параллельном. Увожу взгляд на ворота и игнорирую тот факт, что вся их компания пялится на меня. Сразу становится понятно, кто у них негласный лидер. Слишком предсказуемо. У нас в одиннадцатом «Б» почитали Виктора Крестовского. Смазливый. Заносчивый. Ему всё сходило с рук из-за отца, который спонсировал школу. Мне единственной он не нравился. Вызывал лишь гадкую изжогу. Женя же по нему с ума сходила и открытки тайно отправляла. Бр-р-р... Как вспомню, аж плохо становится. Любовь ослепляет, а если она не взаимная, то и вовсе лишает разума.

— Привет, — вздрагиваю, когда над ухом раздаётся насмешливый голос, — новенькая, да?

Говорить с этим парнем не способна физически, потому что язык немеет. Сердцебиение моментально ускоряется, и я, как пустоголовая дурочка, громко сглатываю. Тело тут же напрягается, чувствуя опасность. С трудом заставляю себя перевести взгляд с Тоши на его друзей. Они противно скалятся, а блондинка и вовсе скрещивает руки на груди и постукивает носком туфельки по асфальту. Картинка с негодующими массами меня тут же отрезвляет.

— Да, — показываю всем видом, что мне не интересен диалог с местной знаменитостью, и без отрыва смотрю на дорогу. Чёрт! И где Жанна Павловна запропастилась?!

— Ты не многословна, — усмехается. Уговариваю себя на него не смотреть, и сама себе проигрываю. — Может, тебя подвезти? Погода паршивая...

Отрицательно качаю головой и ловлю носом микроскопические капли дождя. Небо решает надо мной поиздеваться, не иначе?!

— Ты подумай, — улыбается так мило, что сердце до горла подскакивает.

— Я тебя не знаю.

— Антон, — протягивает мне руку, на которую я таращусь, словно на неопознанный объект, — а ты?

— Я тебя не знаю, как человека, Антон, — выдыхаю с облегчением, когда за воротами мелькает серебристая иномарка Жанны Павловны, и спешу подняться на ноги, роняя на ступеньки пару книг, — ой...

— Так давай подружиться, — наклоняется и помогает поднять упавшие учебники. Сплетаемся взглядами. От кратковременного зрительного контакта у меня снова прогрессирует асфиксия. Ненормально ведь так пялиться друг на друга?! Или...

— Тоша! — взвизгивает блондиночка. — Нам пора!

Я резко выравниваю спину и ловлю мамины жесты вдалеке, чувствуя лёгкое

разочарование от того, что нас прервали. Жанна с радостным выражением лица направляется навстречу и излучает приторный оптимизм, который будоражит не самую лучшую мою сторону. Мысленно отмахиваюсь от нее и шагаю вперед, сгорая от какого-то нового чувства, которое разливается кипятком по внутренним органам.

— Ты так и не ответила, — Антон дарит лучезарную улыбку. Ещё немного, и у меня ноги откажут от волнения, которое пробегает по всему телу, и я не могу отнести его к категории «неприятного». Оно вызывает трепет и отторжение одновременно.

— Не получится у нас с тобой дружить, — спокойно произношу, хотя язык отказывается поворачиваться.

— Почему? — хмурится, убирая руки в карманы брюк.

— У тебя уже есть подруга, — киваю на одноклассницу, — То-о-о-ша, — намеренно протягиваю, — а за помощь искреннее спасибо.

Стараюсь держать лицо, отворачиваясь от парня, и быстрым шагом иду к Жанне. Дружить я не хочу, но и врагами обзаводиться тоже.

— Тебе нравится? — с нескрываемым волнением спрашивает мама, пока я рассматриваю комнату, которую она окрестила *моей*. Стены выкрашены в нежный персиковый цвет. Потолок белый натяжной с встроенными по всему периметру лампочками для слабой подсветки вечером или ночью и простой люстрой с белым плафоном, напоминающим по форме шейный бандаж для животных. Окно и дверь на балкон закрыты жалюзи. Около окна стоит ученический стол, рядом удобное компьютерное кресло, у стены раскладной диван светло-коричневого цвета и ближе к выходу шкаф с зеркалом.

Я рассматриваю интерьер своего нового жилища с часто бьющимся сердцем, потому что он напоминает мне комнату, в которой я провела всё своё детство. Тогда папа был жив, сам делал ремонт, выкрашивал стены в бесящий его персиковый оттенок, встраивал лампочки в спинку моей кровати, ведь мне хотелось, как в кино, — светящееся чудо над головой. Причудливый рождественский дух перед сном. Так глупо, но сейчас это воспоминание вскрывает мне вены. Без анестезии. Однако я стойко выдерживаю молчаливую паузу, глядя на то, как Жанна Павловна кусает губы чуть ли не до крови. Наверное, впервые я вижу её в болезненном состоянии ожидания. У меня нет ни капли жалости к этой женщине. Наоборот, мне хочется, чтобы она страдала так же, как и я, когда осталась без родителей на попечении у тётки.

— Разве тебе важно моё мнение? — кидаю рюкзак на пол около стола и выпитываю каждую эмоцию, проявляющуюся на лице матери. Ей не по душе мои высказывания. Да, они резкие и причиняют боль. Обязаны причинять. Чтобы человек страдал, у него должна быть совесть, а Жанна Павловна не может похвастать таким качеством.

— Лиза... — выдыхает и прикрывает лицо рукой, изображая расстройство. — Перестань, пожалуйста, так себя вести.

— Как?

— Словно я тебе чужой человек, — вновь направляет на меня свой просящий взгляд. Я игнорирую внутреннюю дрожь и складываю руки на груди.

— Но ведь так и есть, Жанна Павловна.

— Лиза, — охает и начинает часто моргать, что совсем не идёт к её красивому образу.

Слёзы отнюдь не красят сногшибательную женщину. Внутри что-то болезненно скребёт, пока мама вытирает щеки пальцами и собирается с духом.

— Я понимаю, что тебе пришлось многое пережить, пока я... Пока я приходила в себя, но прошу тебя, Лиза, дай мне шанс всё исправить, — голубые глаза Жанны наполняются очередной порцией солёной влаги, а я отворачиваюсь. — Я не о многом прошу. Можешь не называть меня мамой. Только не отгораживайся, как не родная.

— У тебя плохие попытки наладить со мной контакт, Жанна Павловна, — ёжусь от того, насколько отчуждённо звучит мой голос, но к матери не поворачиваюсь. — Стоило оставить меня с тёткой Леной, а не запихивать в гимназию, где я выгляжу тупее всех тупых.

— Дочка, что тебе сказали? — дёргаю плечом, когда на него ложатся изящные пальчики. Неприятно, что она меня трогает. На душе тут же гадко становится, и хочется расплакаться, как в детстве, чтобы меня подхватили на руки и качали, пока слёзы не высохнут. Вот только мне уже далеко не пять лет, да и качать больше некому.

— Ничего. Это очевидно. Я одна хочу побыть. Можешь уйти?

Задерживаю дыхание, а вместе с ним и другие процессы в организме. Ощущение такое, словно у меня в животе расположены круглые часы, и они громко тикают, отсчитывая момент, когда комната опустеет, и Жанна унесёт с собой приторный аромат дорогого парфюма. Сколько себя помню, она всегда только им и пользовалась, потому что аромат до безумия нравился папе. Меня же сейчас выворачивает наизнанку от каждого вдоха, сделанного в её обществе. Дышу через раз, чтобы не травить себя воспоминаниями, а она молчит несколько минут, после чего раздаются шаги в сторону двери. Я медленно опускаю плечи, закрываю дверь, повернув защёлку, и позволяю себе расслабиться. Подхожу к дивану и практически стекаю на пол рядом с ним. Вожу ладошкой по светлому паркету. Всё так неправильно и чуждо. Мама упорно пытается воссоздать потерянную картинку идеальной семьи, но ведь это невозможно. Мы её потеряли. Частично по её вине.

Я сплываю противный ком и тянусь к карману жилетки, чтобы достать вибрирующий телефон. У меня даже улыбка по лицу расплывается.

— Степан Андреевич, — произношу с радостью, слыша, как друг отца тихо посмеивается. Ему не нравится, когда я его называю по имени и отчеству. Принимает только дядя *Стёпа* и с улыбкой до самых ушей.

— Мелкая Лиза, я же просил тебя позвонить, как доберётесь. Хочешь, чтобы твой дядя Великан поседел раньше времени?

Крепко зажмуриваюсь и прикусываю нижнюю губу. Растяпа! Совсем из головы вылетело.

— Прости, дядь Стёп... Я забыла...

— Хорошо, что ответила сейчас. Я беспокоился, — тяжело вздыхает, — у вас всё нормально?

— Да.

— Лиз, давай договоримся на берегу, что если повторится то, что было пять лет назад, то ты мне наберёшь. Хорошо?

— Хорошо.

— В любое время. Даже ночью. Звони. Я приеду.

— Ладно.

— Обещаешь?

— Обещаю.

— Как там новая школа? — уже не так напряжённо спрашивает дядя Стёпа, а я начинаю рассматривать однотонные белые носки, словно там калейдоскоп красок. — Всё нравится?

Кратко оповещаю его о прошедшем дне в гимназии, умалчивая о противных одноклассниках и красавчике из параллельного. Для Степана Андреевича эта информация будет лишней. Мы беседуем около пяти минут, после чего я отключаю вызов и поднимаюсь на ноги, откидывая телефон в сторону. Сумка с моими вещами лежит около шкафа и ждёт своего часа. Да и мне хочется отвлечься от гнетущих мыслей. Весь сегодняшний день пропитан горечью и напоминает бисквит начинающего кондитера. Я расстегиваю молнию на сумке и открываю дверку шкафа, чтобы посмотреть, есть ли там плечики. Замираю.

Сердце принимается стучать агрессивнее, а в ушах бомбит пульс своей нереальной частотой. Перед глазами набитое одеждой пространство. Я дотрагиваюсь до брюк палаццо и тут же одергиваю руку, словно сунула её в костёр. Жанна... Накупила шмоток, чтобы компенсировать годы своего отсутствия. Я прикусываю трясущуюся нижнюю губу и через пару секунд вовсе смыкаю челюсти на кулаке. Хожу из стороны в сторону, глядя на весь *шик*,

который организовала мать, и не понимаю, на что она надеется?! На что?!

На великое прощение?!

Так его не будет!

Останавливаюсь около обилия модных новинок и начинаю выбрасывать их из шкафа прямо на пол. Даже носки летят прочь. Оставляют лишь форму, которую мне придётся надевать в гимназию. Плиссированная юбка, жилетка, классические брюки и пиджак бордового цвета с эмблемой. Несколько белоснежных блузок и водолазка. Разбираю сумку, испытывая чувство удовлетворения, и открываю дверь Жанне, когда заканчиваю. Она входит с улыбкой, но та медленно стекает с её лица при взгляде на *подарок*, которым усыпан пол.

— Что это? — поднимает на меня округлившиеся от удивления глаза. — Я же... Тебе... Лиза...

— Это разбитые детские мечты, Жанна Павловна. Забери и не пытайся больше меня подкупить.

Следующий день наступает слишком быстро и не даёт мне возможности остановиться и перевести дух, чтобы свыкнуться с мыслью, что моя жизнь больше никогда не будет прежней. Ни-ког-да. Мне придётся мириться с законами Жанны и посещать гимназию. Последнее обстоятельство возрождает в голове воспоминания об Антоне против моей воли, особенно в тот момент, когда я надеваю брюки, блузку с жилетом и лоферы. Форма гимназии смотрится на мне чуждо, словно я проснулась и резко вознамерилась пойти против слаженной системы. Даже примерив на себя одежду зазнавшихся одноклассников я не стала одной из них. Я так и осталась Лизой родом из маленького городка, который они за моей спиной называли *дырой*. Я не слишком восприимчива к чужой критике, особенно если она не обоснована и больше похожа на оскорбление, но, воспроизводя их диалоги в голове, невольно кривлюсь. Да, мне чертовски неприятно.

Не знаю, что больше влияет на появление этого чувства. Понимание того, что я не дотягиваю до знаний одноклассников, или их тупиковое мнение о провинциальных людях. Возможно, нервозность вызывают оба факта, но я заставляю себя быть безразличной к словам ребят.

— К выходным я жду ответа на свой вопрос, — оповещает меня Жанна Павловна, припарковав автомобиль перед воротами школы. Она по-прежнему пытается улыбаться и быть со мной максимально милой. Эти попытки стать идеальной матерью порядком выводят из себя. Мне уже не пять лет и даже не двенадцать, а она сюсюкает и порывается дотронуться до щеки, чтобы потрепать за неё, как домашнего питомца. Мерзко.

— На какой из всех? — я не издеваюсь над ней. Просто по дороге в гимназию Жанна умудрилась сотрясти воздух сотнями вопросов, и сейчас я не знала, что именно она имеет в виду.

— По каким предметам тебе нужен репетитор. Лиза, пойми, я хочу, чтобы ты получила хорошее образование. Не принимай мои действия за прихоть.

— А разве это не так? — криво улыбаюсь. Жанна тяжело вздыхает в ответ и крепко сжимает пальцами руль. Градус напряжения в салоне автомобиля заметно прыгает вверх, и я, отвернувшись от матери, рассматриваю гимназистов, которые спешат на учёбу. — Я могу сейчас сказать тебе. Я отстаю по программе, Жанна Павловна, — дёргаю за ручку и выбираюсь на свежий воздух, — по всем предметам.

Не хочу выглядеть истеричкой, но хлопаю дверью. Не намеренно, а на эмоциях, которые распирают грудную клетку. Как она не может понять, что забирает у меня жизнь?! После смерти отца я потеряла всех. Друзей. Подруг. Мать. Мне пришлось искать их заново, и я нашла! А потом появилась она и снова лишила меня возможности быть счастливой. Стоит ли прежняя жизнь её возвращения?! Сейчас я уверена, что ни капли. Даже мизинчика на ноге не стоит! Ведь нет в моей груди трепета и восторга от наличия одного из родителей. У меня там дыра размером с лунный кратер. И виной тому она. Жанна...

Я иду к нужному кабинету быстро, наплевав на посторонних людей, и занимаю место, которое вчера мне досталось. На первом ряду за последней партой. Так даже лучше. Не нужно светить своим не особо умным выражением лица перед учителями. Я успеваю залезть в чат с Женей, чтобы скинуть фотоотчёт того, насколько мне тоскливо без неё. Помню, когда я пришла в их класс, она меня возненавидела. Женя слишком общительная, а я

наоборот. Скукожившаяся гусеница, коммуникативные навыки которой оставляют желать лучшего. Мы не поделили шкафчик в раздевалке, потому что все были заняты. Чуть ли не подрались, а после через недели две я защитила Женю от нападков девчонок из соседней школы. Её хвалёные подружки сбежали в самый ответственный момент, а я, враг номер один, получила тумачков на пару с ней. Вот так и сдружились.

Сейчас мне очень не хватало её поддержки, да и она, судя по нечастым ответам на мои сообщения, была полностью погружена в подготовку к экзаменам. Родители Жени помешаны на идеальном мире дочери и заставляют прилежно учиться. Как-то она говорила, что завидует мне. Мол, тётка и никакого надзора, как за результатом эксперимента. Жаль, что она не понимает, насколько это больно, терять родителей. Ощущение такое, словно ты обездвижен, а почва из-под ног ускользает, и ты падаешь в бездну, не имея возможности ухватиться за чью-то руку.

— Новенькая, — телефон выскальзывает из рук, когда я слышу голос того самого Тоши над ухом, — привет! — поднимаю растерянный взгляд на парня и густо краснею. Почему выдаю именно такую реакцию, не представляю. Возможно, потому что совершенно не готова ко встрече с ним, а может всему виной его белоснежная улыбка от уха до уха, которая, к слову, предназначена мне.

Всё-таки матушка природа несправедлива к своим детям. Кому-то достаётся внешность голливудского актёра и миллионы в придачу, а кто-то выглядит, как поганка, да и статусом явно «обделён».

— Милые ушки, — тянет руку к моим рожкам из косичек, которые я закрутила по обе стороны головы, — убежала вчера и имя своё не сказала.

— Лиза, — Антон дотрагивается подушечками пальцев до моих волос, и я непроизвольно дёргаюсь в сторону.

— Подлиза она, — фыркает неподалёку его недовольная подружка, — причёска — детсад, а он через дорогу. Ничего не перепутала, Кирьянова?

— Приятно, что ты мою фамилию запомнила, а я вот даже имени твоего не припоминаю, — говорю ровным тоном, и по классу тут же проползает гул.

Теперь внимание одноклассников приковано в нашей троице. Мазнув равнодушным взглядом по их ожидающим лицам, ощущаю, как сердце начинает ускорять свой ритм. Давно забытое чувство тревоги нарастает с каждым глухим ударом, пока подружка Тоши медленно приближается к столу, за которым я сижу. Юбка слишком короткая для гимназистки. Пуговицы на блузке расстёгнуты так же, как и жилет. На шее поблескивает тонкая золотая цепочка с кулоном, на руке браслет, в ушах сережки. Девочка точно не из бедной семьи. Сглатываю практически бесшумно, коря себя за то, что всё равно ввязалась в конфликт, и, судя по всему, с королевой класса, ведь другие девчонки помалкивают в тот момент, когда изо рта «подружки» вылетают слова.

— Я бы не стала этим гордиться, беспризорница, — она впивается в меня взглядом и помещает ладони на край столешницы, нависая надо мной, как стервятник над добычей, — деменция очень опасная болезнь. Коварная. Не щадит людей.

— Ты так за меня переживаешь. Не влюбилась ли? — прищуриваюсь, выдерживая напор одноклассницы, пока та с нескрываемым отвращением рассматривает мои «ушки». Моё высказывание вновь вызывает волну протяжного «у-у-у-у-у» по классу, и несчастная краснеет от злости, как рак.

— Я тебе... — она не успевает договорить. Антон дёргает её за руку на себя и одним

взглядом заставляет закрыть рот.

— Крис, сядь на место, — произносит с улыбкой и кивает в сторону парты, за которой сидит королева, — Лиза только к нам пришла, а ты нападаешь. Не по-человечески как-то, да?

Смотрит на меня. На красивом лице всё та же улыбка, а вот глаза... Там темнота... Мне становится не по себе от его внимания, и я пожимаю плечами. Сажу в напряжении, пока Кристина не отступает назад. С первых парт прилетает:

— Что это было?

— Почему Маршал её защищает?

— Очуметь...

— Зачем он Крис так опустил?

— Неужели ему эта мышь понравилась...

Антон наклоняется ко мне, и в лёгкие моментально проникает запах дорогого парфюма.

— Если будет к тебе лезть, то мне скажи, хорошо? — я отвожу взгляд в сторону и неопределенно пожимаю плечами.

Внутри разрастается волнение. Я даже дышать перестаю, пока Тоша находится рядом. Благо через пару секунд он отстраняется, берёт мой телефон, смахивает блокировку и вопросительно смотрит на меня.

— Можно? — спрашивает, хотя уже в наглую что-то там нажимает. — Держи, — подаёт мне мой смартфон, на котором высвечивается вызов контакта *Маршал*. Я сглатываю, пока он с улыбкой сбрасывает звонок и что-то строчит в своём телефоне.

Сердечная мышца клопочет от его нахождения рядом. Мне жутко не нравится такая реакция, и я хмурюсь, глядя на экран смартфона. Вот значит, какой ты, Маршал... Напряжение понемногу отпускает, когда раздаётся звонок, но я всё равно ловлю на себе взгляды новых одноклассников. Как бы я ни старалась не воспринимать всё близко к сердцу, их смешки и перешёптывания начинают действовать на нервы. На втором уроке я начинаю ёрзать на стуле, потому что Антон сидит сбоку и смотрит на меня. Игнорирую его до последнего, но тот, не получив зрительного контакта, строчит что-то в телефоне. Мой тут же вибрирует.

Маршал: Сходишь со мной в кафе, Милые Ушки?

Бросаю на него непонимающий взгляд и ничего не отвечаю. При этом сердце точно выбивает иероглифы на рёбрах. Колотится так, словно функционирует последние минуты. И я ловлю себя на мысли, что хочу сбежать из класса. Мало того, что я жутко туплю по каждому предмету, так ещё и Маршал отвлекает от усваивания материала. Я ожидаемо злюсь. Не на него, а на себя. За то, что сейчас жутко напоминаю себе Женю, которая потеряла часть серого вещества, когда объект её симпатии вдруг уделил ей внимание, а ведь Антона и не знаю вовсе! Для меня он просто красивая оболочка. Он не может мне нравиться! К тому же, у него есть чокнутая подружка, которая убивает меня взглядом.

В общем, я с трудом доживаю до большой перемены и пулей вылетаю из класса. Телефон вибрирует в рюкзаке, оповещая о новом сообщении, но я не спешу заглядывать в содержимое. Наверняка, это Тоша... Бр-р-р... Даже в мыслях звучит голос Кристины и её протяжное *То-о-оша...*

В столовую я не попадаю, точнее, стопорюсь в дверях, глядя на то, что все столики заняты, но место есть рядом с... Антоном. Желудок скручивается, требуя еды, только я сглатываю слюну и разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов. Я, конечно, боец за

справедливость, но американских горок на сегодня достаточно. Иду по коридору, рассматривая листок с расписанием и номерами кабинетов, как вдруг меня кто-то хватает за шею. На глаза ложится повязка. Вскрикиваю и тут же тяну воздух через нос, потому что мне и рот затыкает чья-то сухая ладонь. Семеню ногами, пока меня тащат назад, и охаю, падая на колени, ведь меня резко толкают вперёд. За спиной хлопает дверь, и раздаются девчачьи смешки, а я часто моргаю, глядя по сторонам, и, к своему ужасу, замечаю, что нахожусь в еле освещенном помещении. Его габариты настолько малы, что горло сдавливает паника. Мозг моментально выдает картинки из прошлого, и я обнимаю себя руками.

— *Мамочка, не надо... Мама, пожалуйста, выпусти меня.... Мама!*

Сердце подпрыгивает вверх от громких ударов. В ушах появляется звон. Я верчусь по кругу. Стены сливаются в тёмное месиво. Перед моими глазами возникает совершенно иные образы. На коже выступают капельки пота. Я сажусь на корточки и сжимаю голову руками, чтобы не слышать голоса прошлого.

— *Мама... Мама, не надо.... Открой дверь... Мамочка... Я прошу тебя...*

Жадно глотаю кислород, но он, будто не поступает в лёгкие. Грудную клетку жжёт. Я крепко зажмуриваюсь и считаю. Не помогает. Из груди помимо моей воли вырываются рыдания. Тихие.

— *Я спасаю тебя, Лизонька! Я нас спасаю!*

Я только громче плачу, потирая запястья, за которые мама хватала меня. На них тёмные следы от её пальцев. И я тру щёки, но они не высыхают. Мне страшно. И никто не спешит вызволять меня из этого адского плена.

Воспоминания, как вспышки озаряют сознание, и я уже не сдерживаюсь. Плачу. Беззвучно, понимая, что никто меня не спасёт. Кристина со своими подружками знатно повеселилась, запихав меня сюда. Я вроде начинаю ровно дышать, но стоит поднять голову, как меня тут же придавливает стенами и потолком. Тело рефлекторно сжимается. Паника накатывает более сильной волной, и я хочу слиться с полом. Провалиться сквозь него, потому что невменяемый голос Жанны звучит отовсюду...

— *Я спасаю тебя, Лизонька! Я нас спасаю!*

— Лиза? Лиза? — я через пелену слёз чувствую, как моего плеча касаются чьи-то холодные пальцы, но пошевелиться не могу. Попросту не в состоянии это сделать. Моё тело, словно сковало тисками от долгого нахождения в одной позе. Во рту сухо. Кожу лица стянуло от соли. Я поднимаю голову и фокусирую взгляд на девочке, которая смотрит на меня. Её глаза огромные. Карие. Я видела её среди чокнутых одноклассников, но сейчас увожу взор в сторону, чтобы не показывать, насколько сильно меня накрыло паникой. Я уже забыла, как это, испытывать такие жуткие эмоции и не иметь возможности отыскать в себе источник силы. Давление стен очень сильное, а память... Она меня и вовсе не щадит, а наоборот окунает в прошлое с головой, не оставляя шанса на освобождение.

Только я не могу показывать свою слабость стайке шакалов, которые не постеснялись отправить меня в каморку и запереть без вещей и способа связаться с цивилизацией. Поднимаюсь на ноги и смотрю лишь на дверной проём. Там светло, а вокруг теснота и полумрак, от которого у меня колени подкашиваются. Иду к выходу с гулко бьющимся сердцем, и девочка ступает следом.

— Я уже думала кого-нибудь позвать, — говорит, когда мы оказываемся в коридоре, и закрывает дверь, привлекая к себе внимание, — Кристина такая... немного неуравновешенная.

Я фыркаю, обнимая себя руками, потому что тело дрожит от холода. Откатывает назад к привычному состоянию. Это хорошо. Значит, справлюсь сама.

— Я — Инна, — она протягивает мне руку, на которую я гляжу, как на змею, поэтому одноклассница некоторое время мнётся и убирает её, повышая градус неловкости между нами, — уроки уже закончились...

— Ты знаешь, где мои вещи, Инна? — спрашиваю, нормализуя процесс дыхания, и бегло осматриваю девочку.

Короткая стрижка. Тёмные волосы. Маленький нос и огромные карие глаза. Очень эффектная. В форме гимназии. Кожа отликает бронзовым загаром. Чтож... Они тут все, как *на подбор*.

— Нет... Я случайно услышала, как ты плачешь, когда мимо проходила. Они тебе что-то сделали?

— С чего ты взяла, что это Кристина? Видела? — Инна краснеет и отводит глаза, словно я подловила её на чём-то постыдном.

— Ладно, забей. Сама найду, — иду в сторону класса, медленно вдыхаю и выдыхаю, чтобы устранить последствия паники. Помогает потихоньку. Инна плетётся следом, и я стараюсь не обращать на неё внимания.

— Я подождала, пока они уйдут, — оправдывается моя спасительница, пока я осматриваю каждый сантиметр класса, но, увы, моих вещей тут нет, — Кристина умеет настраивать всех против одного человека, а его потом гнобят...

— Я поняла, — говорю резче, чем хотелось бы, — каждый сам за себя переживает. Это нормально, Инна. Спасибо, что открыла дверь.

Благодарю вполне искренне и прохожу мимо неё. Благо она не идёт по пятам и даёт мне вдохнуть полной грудью наедине со своими мыслями. В рюкзаке было всё. Телефон. Кошелёк. Деньги в конце концов. Как мне теперь Жанне позвонить, чтобы она забрала меня

из гимназии. В полном раздразе выхожу из здания и жадно тяну свежий воздух в лёгкие. На открытом пространстве очень хорошо. Внутренние системы начинают работать в привычном для них режиме, а я дышу-дышу-дышу, пока по грудной клетке не расплывается приятное тепло. Спокойствие. Я расправляю плечи и решаю осмыслить то, что произошло немного позже. Сейчас мне нужно добраться до квартиры. Складываю руки на груди и направляюсь к воротам.

Из здания выходят ещё несколько человек. Смеются, разговаривают между собой, а я стою около выхода, как отшельница, понимая, что Жанна Павловна про меня забыла. Боже... Не удивительно. Я ожидала от неё чего-то подобного, но сам факт её отсутствия неприятно корёжит душу. Может, я надеюсь, что она изменилась... Где-то глубоко внутри... Очень зря... Раз она меня бросила. И во второй произойдёт то же самое.

Сжимаю кулаки и поджимаю губы, трансформируя боль в злость. Так намного легче пережить осознание того, что родная мать меня не любит и спешит показать, насколько сильно.

— Лиза, — Инна подходит ко мне, поправляя ремешок от сумочки на плече, — за мной папа приехал. Мы можем подвезти тебя до дома. Поедешь?

Я безвольно опускаю руки вдоль тела. Будто у меня есть выбор... Киваю однокласснице и, оглядываясь в сторону дороги, откуда должна была появиться иномарка серебристого цвета, иду за ней к машине премиум класса. Вместе садимся на задние сиденья. Чувство неловкости сковывает движения, и я сижу неестественно прямо. За рулём сидит темноволосый мужчина. Он лишь раз бросает взгляд в зеркало заднего вида, когда Инна представляет меня, как *новенькую*, и просит добросить до дома. Я с трудом вспоминаю точный адрес, краснею, сказав его, и отворачиваюсь к окну. В груди рождается тревога за Жанну, потому что прошлые её заскоки могут повториться, и я не знаю, как примет их моя психика. Сегодняшний срыв на панику пошатнул мою уверенность в собственных силах, а бешенная Кристина вряд ли успокоится.

К счастью, Инна не заводит со мной бесед типа *давай познакомимся поближе* и ограничивается виноватыми взглядами и скупыми улыбками, пока автомобиль движется по нужному адресу. Я глубоко вдыхаю, когда вижу серое здание, где на пятом этаже расположена наша квартира, и понимаю, что всё это время не позволяла себе дышать во всю мощь лёгких. Наверное, нервы сказываются. Я благодарю Инну и её отца с улыбкой. Я и правда рада, что одноклассница мне помогла. Дважды. Вот только около подъезда я со стоном закрываю лицо руками. Ключи-то остались в рюкзаке...

На деревянных ногах плетусь к лавочке, которая стоит рядом, и медленно опускаюсь на неё. Я надеялась, что мне больше не придётся вспоминать жалкое ощущение собственной никчёмности. Когда ты ничего не можешь сделать со своей жизнью, чтобы изменить всё к лучшему. Как?! Если всё зависит от других людей! Раньше за меня решала тётушка. Сейчас Жанна возомнила себя матерью года и забыла про это решение, как рыбка Дори!

За время, пока я сижу на холодной деревянной поверхности, успеваю пройти все стадии *брошенки*. Печалюсь. Корю жизнь за несправедливость к моей персоне. Злюсь. И плавно перехожу к ненависти. Я не могу контролировать это чувство, когда машина Жанны останавливается неподалёку от здания. Она с круглыми от волнения глазами подбегает ко мне, забывая поставить автомобиль на сигнализацию, и прижимает к себе. Руки скользят по спине, сминают пиджак, и я еле как отталкиваю её от себя.

— Прекрати, — шиплю, потирая предплечья, словно Жанна Павловна меня клеймила, а

не обнимала.

— Лиза, где ты была?! Я всю округу вокруг гимназии исколесила... С тобой всё в порядке? — эмоции выдаёт такие натуральные, что у меня все органы перемещаются со скрипом.

Молчу, складываю руки на груди, как преграду, чтобы больше не лезла ко мне со своими нежностями и псевдо заботой.

— Нужно вовремя приезжать за ребёнком, Жанна Павловна, — шиплю, уводя взгляд на дверь в подъезд, смещаю на кодовый замок с выемкой для чипа и тяжело вздыхаю.

— Я приехала раньше, чем закончились уроки. — Мама принимает ту же позу, что и я, строит из себя обиженную. — Тебя не было. Я вошла, но и в классе было пусто. Одноклассники сказали, что ты сбежала с уроков. Зачем, Лиза? Я стараюсь, как могу, а ты сводишь всё к мести. Почему?

Я не нахожу достойного ответа и поднимаю голову к небу. Череда ужасных дней накладывает свой отпечаток. Я чувствую усталость и отсутствие желания вести разборки. Несколько минут мама молчит и смотрит на меня, а после мы вместе входим в здание, поднимаемся на нужный этаж, и я наконец попадаю в квартиру. Только там Жанна замечает очевидное, — у меня нет вещей.

— Что произошло?! Расскажи мне, Лиза! — выпаливает в спину, когда я иду через гостиную в выделенную мне комнату. — Тебя обидели? Дочка, боже мой, не молчи, пожалуйста! Ты меня убиваешь...

— Я?! — резко разворачиваюсь к матери, которая застывает в шаге от меня и растерянно хлопает покрашенными ресницами. — Я убиваю, да?! Ты меня притащила сюда, Жанна! ТЫ! — на расшатанных эмоциях тычу в неё пальцем. — Ты не спросила меня, чего я хочу! Хочу ли я переезжать и с тобой жить! Ты всё сделала по-своему! Всё у меня забрала! Слышишь?! Всё забрала! У меня теперь ни друзей, ни адекватных одноклассников! Ничего! — выкрикиваю так громко, что у самой уши закладывает от уровня децибел. — Это ты меня убиваешь... — добавляю шепотом и шагаю назад в дверной проём. — Ты кинула меня в клетку с гиенами и спрашиваешь, что произошло, дочка? Оставь спектакль для благодарных зрителей.

Пока Жанна пребывает в немом шоке, я захожу в комнату и закрываю дверь на замок. Не моргая, смотрю на дверное полотно, и спустя пару минут опускаюсь на пол, поджимая колени к себе. Стискиваю их руками и раскачиваю назад и вперёд. Сердце колотится за рёбрами. Удары такие сильные, что кожа горит. Я сглатываю противную слюну и заставляю себя подняться. Снимаю форму. Натягиваю на дрожащее тело тёплый домашний костюм — штаны и кофточку с ушами голубого цвета. Кутаюсь в него и не могу успокоиться. Меня пробирает сильная дрожь. Дополняю тёплое одеяние носками и скручиваюсь комком на диване.

Все ужасы из коморки пролетают перед глазами, как страницы книг. Не знаю, что делать завтра, ведь мне же придётся вернуться в гимназию, а я не хочу. Впервые не хочу бороться за себя, потому что надоело... Крепко зажмуриваюсь, чтобы прогнать прочь гадкие ощущения, которые неприятно липнут к телу, но не помогает. Я лежу, пока не прекращается дрожь. Желудок призывно воет, только я сжимаю себя руками, заглушая потребность поесть. Жанна несколько раз стучит в дверь и предпринимает попытку со мной пообщаться. Я игнорирую.

Когда за окном темнеет, я слышу, как в замочной скважине поворачивается ключ, и

усмехаюсь. Приходится притвориться спящей, чтобы мама ушла, но она и тут проявляет себя с лучшей стороны, укрывает меня пледом и целует в щеку. Усилиями воли не шевелюсь, пока Жанна Павловна оттачивает актёрское мастерство, и расслабляюсь, когда та уходит. Жду десять минут и поднимаюсь на ноги. До балкона крадусь, тихо открываю дверь и выхожу на свежий воздух, не слышно прикрываю её за собой. Вид на город просто потрясающий. Меня даже холод не беспокоит. С упоением рассматриваю звёзды на небе и прячу кисти в рукавах тёплой кофточки.

— Вот так сюрприз! — от знакомого голоса вздрагиваю и поворачиваю голову прямо на источник. — Милые ушки, — Антон курит на балконе, который совмещён с нашим.

Великолепно... Хочу отвести взгляд, только не получается. Пялюсь на него. Весь такой домашний. В белой толстовке с капюшоном и спортивных штанах. Улыбка до ушей. Волосы взъерошены. Сердце заходится странным ритмом, когда он подается вперёд и пытается заглянуть в комнату.

— Не спится? — пожимаю плечами вместо ответа, а он снова улыбается, кидая окурок с балкона вниз, и по воле случая, как раз в этот момент у меня громко урчит в животе. — Милые ушки, на диете?

— Нет, — щёки припекает, и хорошо, что в темноте не видно, как я сгораю от стыда.

— Я как раз эклеры из «Олимпии» собирался есть. Составишь компанию? — протягивает мне руку, и вроде жест невинный, а я округляю глаза, словно меня на грех совращают. — Давай, Лиз, — мягко произносит моё имя, и я громко выдыхаю.

— Нет.

— М-м-м, — манит пальцами к себе, — твой рюкзак у меня. Заберёшь?

— Заберу, — отвечаю ему с гулом в голове. Как у него?! Почему?! Он был с Кристиной, когда она запихивала меня в каморку?!

— Хорошо. Давай лапки, Милые ушки, и гоу ко мне на эклеры.

Я отказываюсь от предложения Антона и скрываюсь за дверями так стремительно, что выгляжу трусихой. Сердце глухо бьётся внутри, а я стою и подпираю дверное полотно спиной, прокручивая последние минуты в голове. Красивых мальчиков нужно обходить стороной, особенно, если это чужие мальчики агрессивных девочек, закрывающих тех, кто им не нравится, в тёмных каморках забавы ради. Я даже глаза прикрываю, чтобы успокоиться, и губы искусываю, вспоминая, как мило выглядит То-о-оша, когда улыбается. У меня в животе разливается приятное и совсем не уместное тепло от его взгляда, но я одёргиваю себя, напоминая, что у него мои вещи. И неизвестно, как они попали ему в руки! Я должна злиться! Должна!

Эти ребята далеко не такие, какими хотят казаться. Инна стала свидетелем моего унижения, но ничего не сделала, чтобы спасти сразу. Да, я благодарна ей, но... Если бы я видела издевательства над другим человеком, то поспешила бы на помощь, как с Женей в своё время. Вспоминая про подругу, тянусь рукой к пустому карману и издаю глухой стон. Телефон в рюкзаке, а рюкзак у Антона, который ко всему прочему ещё и мой сосед. Так хочется поделиться своими переживаниями с Женей... Но вместо того, чтобы забрать у одноклассника своё имущество, я иду к диванчику и сворачиваюсь на нём в клубок. Крепко прижимаю колени к подбородку и закрываю глаза. Засыпаю не сразу. Вслушиваюсь в то, что происходит за стеной. Постепенно тишина срабатывает, и я погружаюсь в беспокойный сон, где голос Жанны меня не щадит.

— *Я спасаю тебя, Лизонька! Я нас спасаю!*

Открываю глаза резко, словно кто-то вылил на голову ведро ледяной воды. Присаживаюсь и тру глаза руками, пытаюсь успокоить лихо бьющееся сердце. Мне жарко. И дыхание рваное, как половая тряпка. Скидываю с себя плед и медленно поднимаюсь. Только стоит сделать шаг, как я застываю на месте. Около стола мирно лежит мой старенький рюкзак, а на столе стоит коробочка с красивой надписью: «Олимпия». Я глазам своим не верю и не моргаю некоторое время, осознавая, что Антон, чёрт возьми, был ночью в моей комнате!

Подхожу к коробочке со сладостями, как мне замедленного действия. Некоторое время рассматриваю красивые золотые вензеля и буквы на чёрном плотном картоне и поддаюсь любопытству. Открываю коробочку и нахожу там записку. Подчерк красивый и ровный.

Извини, Милые ушки!

Не хотел вчера оставаться один и сморозил глупость. Увидимся в гимназии!;))

P.S. Просматривай хоть иногда сообщения.;)

У меня пальцы начинают мелко дрожать, пока я несколько раз перечитываю записку от Антона. Зубы вонзаю в губы и пытаюсь сдержать глупую улыбку, которая лезет на моё довольное сонное лицо. То, что он забрался ко мне в комнату, безусловно наводит ужас, но слова и ароматные эклеры в качестве извинений бальзамом разливаются по моему грохочущему сердцу. Мне ещё ни разу не дарили сладостей, если не считать Женю. Она любительница радовать шоколадками за свои незначительные косяки типа *опозданий, забывчивости или витания в облаках*.

Я с тяжёлым вздохом убираю записку в ящик стола и беру ароматный эклер. Не отравит же он меня, в конце концов. Откусываю небольшой кусочек и блаженно закрываю глаза.

Нереальный вкус шоколада ударяет по рецепторам и пускает сигналы наслаждения по всему организму. Ноздри трепещут, улавливая запах ванили, и настроение улучшается. Я не сразу вспоминаю, что мне сегодня предстоит провести очередной день гимназии среди чокнутых ребят, которые не знают, что такое тормоза. Улыбка стекает с лица, и я целиком запикиваю второй эклер в рот. Со щеками, как у хомяка, закрываю глаза и прошу Бога поставить жирный плюсик к карме Антона. Когда я проглатываю лакомство, дверь в комнату открывается, и мама застывает на пороге.

На её лице маска доброжелательности, но она со скрипом сползает вниз, стоит взгляду Жанны застопориться на рюкзаке. У меня так бешено бьётся сердце в это мгновение, что я с трудом слышу её слова.

— Я даже знать не хочу, зачем ты меня обманула, — Жанна Павловна усмехается, фокусируя внимание на моём лице, — завтрак на столе. Собирайся. Я отвезу тебя в гимназию.

Она не ждёт ответа, тихо прикрывает за собой дверь и оставляет меня наедине со своими гнетущими мыслями. И тело против воли делает шаг вперёд, чтобы объяснить матери, как было на самом деле, а разум тормозит. Я не хочу рассказывать об Антоне и приступе паники в каморке. Тогда мне придётся вскрыть заживающую рану, а я не хочу. Если и исповедоваться, то только не перед ней. Я сжимаю кулаки и стискиваю зубы, испытывая уже знакомое чувство злости. Дёргано собираюсь в гимназию и убираю коробку с оставшимися эклерами в ящик к записке. Взгляд вновь пробегает по строчкам, и я плюю на загоны Жанны. Мы уже давно с ней чужие люди. Как только мне исполнится восемнадцать, я сбегу от неё. Не знаю в каком направлении, но подальше.

Приготовленный Жанной Павловной завтрак, я игнорирую и сразу иду к двери. На лестничной площадке оглядываюсь по сторонам и с разочарованием отмечаю, что Антона нет. В лифте забиваюсь в угол, чтобы не вдыхать аромат духов матери, и считаю про себя. Каждая секунда наедине с матерью приравнивается году в пытках, и я с облегчением выдыхаю, когда она без слов высаживает меня около ворот. Входить на территорию гимназии я не спешу и долго смотрю на светлое небо. Погода сегодня замечательная. Припекает солнышко, и настроение заметно улучшается.

— Привет! — я прищуриваюсь, поворачивая голову к Инне. Одноклассница подходит ближе и улыбается. Мне, возможно, кажется, но от нее исходит саднящее чувство неловкости. Мне не хочется, чтобы она ощущала вину за сотворённое другим человеком, поэтому я скупно улыбаюсь в ответ.

— Привет, — мы вместе идём с потоком гимназистов внутрь, и Инна с интересом посматривает на мой рюкзак, — мне Антон его вернул, — не знаю, зачем, но делюсь с ней.

— Антон? — неподдельно удивляется одноклассница. — Вы виделись?

— Он, оказывается, живёт по соседству, — пожимаю плечами с равнодушием на лице.

— А где взял? Не сказал?

— Я не спрашивала, — увожу взгляд в сторону, чувствуя себя полной идиоткой.

— Хорошо, что вернул, — печально улыбается Инна и вдруг останавливает меня в небольшом закутке между этажами, — Лиз, ты только не верь ему, пожалуйста, — она замолкает, пока мимо проходят одноклассники и поглядывают на нас с усмешками, — Антон у нас не ангел и просто так ничего не делает.

— Никто не делает ничего просто так, — еле шевелю языком и складываю руки на груди, чтобы не выдать нервное состояние, хотя по моему лицу наверняка всё видно, — ты

знаешь то, чего я не знаю?

— Кристина за него голову оторвёт.

— Они встречаются? — вроде голос звучит ровно, а сердце заходится неровным ритмом, пока Инна поджимает губы.

— Не знаю, но они везде ходят вместе. Она за ним с первого класса хвостиком бегаёт. Их семьи дружат вроде. Или что-то типа того. В общем, я просто предупредить тебя хочу.

— Считай, что предупредила, — развожу руки в стороны, — или я должна еще что-то знать?

— Маршал красивый, Лиз, и голову вскружит, сама не заметишь. Только поступки у него жестокие по отношению к людям. Ты не смотри, что он такой добрый. Это маска.

— Можно поточнее?

— В прошлом году он гулял с девочкой из параллельного. Не знаю, что она ему сделала, но Антон прилюдно её унизил. Родители перевели её в другую школу, чтобы ничего с собой не сделала.

Меня, конечно, окатывает неприятной волной мурашек, но внешне я ничего не показываю.

— У всего есть причины, но я тебя услышала, Инна, спасибо.

Держать улыбку на лице сложно, когда в голове проносятся страшные картинки унижения девочки. Пусть Инна не говорила подробностей, но моя фантазия бурно дорисовывала недостающие элементы. То тепло, которое окутывало каждый орган после красивого жеста Маршала, постепенно утекает из организма, и его сменяет душераздирающий холод. Почему-то образ красивого мальчика никак не вяжется с гадким поведением, и когда я вижу его в классе с улыбкой на губах, теряю почву под ногами. Больших усилий стоит увести взгляд в сторону и пройти к столу. Инна идёт следом, чем очень сильно меня удивляет. В какой-то момент мне кажется, что она сядет рядом, но одноклассница опускается на стул за партой передо мной. Разочарование лёгкое, но я ощущаю его.

Медленно сажусь на своё место, и раздаётся противный звук. Пошевелиться не могу, когда на меня все обращают внимание и громко смеются, показывая пальцем. Кристина торжествующе задирает нос и фыркает, пока я поднимаюсь. В ушах стоит гул. Инна сочувствующе поджимает губы, а я рассматриваю игрушку, примотанную к стулу скотчем. Такие на каждом шагу продаются. Тупые изделия, издающие характерные звуки выпуска воздуха из...

— Вот это ты дунула, новенькая! — смеётся балагур Лабуков, а за ним и вся их компания.

Я без слов начинаю отматывать скотч. Мои движения получаются дёргаными. Я часто дышу и, когда избавляюсь от липкой ленты, сразу иду к Крис. Она сползает с уголка стола и упирается в меня взглядом, мол, *что ты сделаешь?*

— И? — она усмехается, пока вокруг все замолкают в ожидании очередного шоу. — Дунешь ещё раз?

Все ребята чуть ли не пополам сгибаются от хохота, а мои щеки припекает от злости.

— Нет. Я верну игрушку маленькой девочке, которая её потеряла, — я впихиваю изделие для потехи ей в руки и хочу уйти, но одноклассница хватает меня за запястье, разворачивая к себе настолько близко, что носы практически соприкасаются.

— Ты совсем берега попутала, беспризорница?! Так я...

— Крис, — хватка на моей руке слабеет, когда рядом оказывается Антон, — не трогай её.

— Какого чёрта, ты её защищаешь?! — взвизгивает ненормальная и переключает внимание на Маршала. Тот стоит около меня, убрав руки в карманы брюк, и сверлит подружку взглядом.

— На пару слов, — кивает ей на выход под оглушающую тишину в классе.

Кристина прищуривается и оглушающе дышит, следуя за своим То-о-ошей, а я возвращаюсь к столу и достаю из рюкзака телефон, но это не помогает. Я буквально каждой порой ощущаю, КАК ребята на меня смотрят. Шепотки. Похабные улыбочки. Кажется, моё лицо превратилось в спелый томат. Так сильно припекает щёки. Внутренности клокочут в такт сердцу, и я не могу успокоиться, скашивая взгляд на дверь.

Первым в кабинет входит Маршал. Он расслаблено двигается к своему месту, забирает рюкзак и направляется в мою сторону. Дыхание прерывается, когда он садится рядом, и улыбается, окидывая предупреждающим взглядом своих друзей. Я выравниваю спину, будто вместо позвоночника у меня теперь прямая спица. Чувствую себя отвратительно, потому что через пять минут в класс входит Кристина, бросает на Антона испуганный взгляд и садится за парту. Всё бы ничего, но её красные от слёз глаза действуют на меня, как острый нож. Бьют точно в душу, в которую уже засели слова Инны о жестоком однокласснике. Однако, погрязнуть в своих мыслях я не успеваю, потому что телефон вибрирует на столе, и на экране высвечивается сообщение.

Маршал: А где ушки?:(Мне они очень нравились... Сделаешь завтра?;)

Неделя обучения в гимназии проходит слишком быстро, оставляя после себя горькое послевкусие. Меня, конечно же, больше не трогают, пока Антон рядом. Если Маршал отлучается, то у некоторых особо умных одноклассников появляется возможность «блеснуть извилинами», и они бросаются нелестными словами в мою сторону, как острыми пиками. Не могу сказать, что мне плевать. Слегка неприятно. Немного коробит от их предвзятого ко мне отношения, но я не стремлюсь бить в грудь руками, чтобы что-то им доказать или показать, какая я. Успокоение, которое наступает после того, как Антон проявляет ко мне внимание, невесомое. Его нельзя увидеть или потрогать. Можно лишь ощутить, что это чувство разрастается в груди, словно красивый экзотический цветок, который можно днями рассматривать на картинке, но так и не отметить необычных деталей.

И я чувствую, как расширяет границы внутренний трепет, стоит однокласснику прислать мне очередное сообщение. После слов Инны я опасаюсь связываться с Антоном, только от его взглядов, жестов и улыбки все реакции мозга притупляются. Сердце сжимается, когда я слышу его голос. Мягкий низкий тембр, от которого у меня по спине бегут мурашки. Установка *не связываться* с ним не работает. Я еле сдерживаю улыбку каждый раз, когда читаю СМС Антона. Каждая его фраза игривая, лёгкая, иногда нежная. Я теряюсь от того, что он говорит, особенно вечерами на балконе. Да, уже несколько дней подряд мы разговариваем о всякой ерунде, пребывая на свежем воздухе. Благо погода позволяет. Последние сентябрьские денёчки доставляют нам радость. Солнечные. Жаркие. Я ловлю себя на мысли, что очень жду наступления сумерек, чтобы увидеть Маршала и услышать его голос.

Говорит всегда он, а я отвечаю кратко и почему-то жутко теряюсь, стоит ему начать пристально всматриваться в мои глаза. С одной стороны, мне хочется укрыться где-то, а с другой, улыбаться, как дурочке, и я вроде не Женя, чтобы растекаться лужицей от внимания парня, но перед Антоном чувствую себя настоящей дурочкой. На то есть причины. Первая и самая весомая — он видит, как я туплю на каждом уроке. С твёрдых четверок я скатилась на слабые тройки, и это прискорбно. Вторая, — я не его социального уровня. Из пары разговоров с Инной на большой перемене я узнала, что родители Антона значимые люди в городе. Информация меня не удивила. С первого дня в гимназии стало ясно, что я не вписываюсь в их круг. Здесь учатся дети богатых и известных в своих кругах персон. В Гугл я не лезла, чтобы не расстраиваться ещё больше. Раньше бы я пожалала плечами, потому что меня окружали обычные ребята, а сейчас внутренне скукоживаюсь, глядя на дорожные часы, которые поправляет на левой руке Антон.

Планомерно в голове возникает вопрос: зачем он со мной общается? Кроме гимназии и квартир по соседству, у нас нет ничего общего. Антон ходит в зал, играет в волейбол, как профи, и ведёт свой блог, посвященный спорту. Его профиль в социальной сети я увидела случайно и тут же закрыла страницу. Число подписчиков достигало практически ста тысяч. Быстрого взгляда на первые фото было достаточно, чтобы понять, — парень точно себе ни в чём не отказывает. В сравнении с моей социальной активностью на просторах всемирной паутины это небо и земля. Моя страничка пестрит двумя постами с Женей и скрытыми вкладами. Я далеко не публичная личность, да и не стремлюсь к этому.

Попадая в шоковые ситуации, как с Кристиной, я действую на эмоциях, хотя разум

кричит *беги-и-и*. Женя считает, что таким образом я пытаюсь справиться со своими страхами, хотя он у меня один. Паника в маленьких закрытых помещениях. В своё время одноклассники тащились по фильму с игрой на слабостях типа клаустрофобии. Они смеялись и шутили, и только я сидела бледная и испуганная во время просмотра кино с двоюродным братом.

Сейчас я маскирую свою фобию и, нужно сказать, что прекрасно справляюсь с этим, если не считать случая с камеркой. Наверное, ещё по этой причине я так часто выхожу на балкон и дышу свежим воздухом, как в последний раз. После трагичной ситуации в тринадцать лет Степан Андреевич на протяжении месяца возил меня к психологу, а потом всё закончилось. Тётя Лена узнала и заявила свои права, заменив терапию со специалистом на громкую взбучку. Ей не нравилось, когда я *невнятно мямлила* и оправдывалась. Тётушка приучила меня к *разборам полётов* здесь и сейчас. Она говорила, что только так можно избавиться от проблемы. Сомнительный воспитательный приём, но выросло то, что выросло. Без следа её уроки не прошли.

С Жанной Павловной в последние дни мы не разговаривали. Она играла свою роль милой матери, а я молчала, не собираясь отвечать взаимностью, и выбирала стратегию — перетерпеть. Только наступила суббота. По окну барабанили крупные капли дождя, и моё настроение затянуло тучами, как и небо. Я позавтракала и практически весь день потратила на то, чтобы сделать хоть третью часть домашки. Голова готова была разлететься на части от количества информации, которую я пыталась в неё запихать. Стоило подумать о предстоящих контрольных срезах, и я приходила в ужас. Кажется, глупее меня в классе никого не было. Да что там в классе?! Во всей гимназии!

Расстройство растёт с каждой секундой, потому что ничего из прочитанного мною не усваивается. Я читаю две строчки и тут же забываю о содержании. Ложку дёгтя спешит добавить Жанна своим появлением в моей комнате. Она просит оценить очередной шедевр, вышедший из-под её волшебных пальцев, и я иду следом, смотря на джинсовых комбинезон матери. На светлой ткани россыпь капель краски, мазки. Даже белая футболка и та испачкана творчеством. Гостиная, которую она заняла, превратилась в настоящий кабинет художника. Холсты. Краски. Карандаши. Чего здесь только не было вместо удобного дивана и телевизора, как в обычных семьях.

Я долго смотрю на картину и не понимаю, что там изображено. Авангардизм маме удаётся запечатлеть, как никому другому. Жаль, что я не улавливаю сути. Может, тогда я смогла бы прочесть её мысли и узнать, почему она объявилась именно сейчас, а не года два назад?

Постояв около холста две минуты, я пожимаю плечами и ухожу к себе. Огорчённого лица матери не замечаю и падаю на диван, с горестным воплем притягивая к голове подушку. Сегодня телефон молчит, и вряд ли состоится наша вечерняя беседа с Антоном. Погода не позволяет. И я огорчаюсь... Нет, я не подседа на него, как на наркотик. Просто дышать с Жанной одним воздухом очень тяжело, особенно в те моменты, когда она маячит рядом, напоминая о себе и своих заслугах.

— Лиза, я отъеду на пару часов, — кричит из коридора Жанна Павловна, пока я убиваюсь тихими криками недовольства в подушку, — поужинай, пожалуйста!

Класс... Не получив от меня ответа, мама уходит. Хлопок двери, и нервная система тут же со скрежетом ослабляет все гайки в механизмах. Я переворачиваюсь на спину и смотрю в потолок на встроенные лампочки, настраиваясь на продуктивный вечер за учебниками, но

вибрация телефона на столе вынуждает поднять своё измученное тело и посмотреть, кто же про меня вспомнил.

Маршал: Выйдешь?

Сердце заходится, ликуя, но я хмурюсь, подавляя нахлынувшую радость. Обычно Антон присылает смайлики, как подтверждение своего хорошего настроения, а сегодня даже не поприветствовал меня. Я так и смотрю на телефон, сведя брови на переносице, пока не раздаётся громкий стук в дверь, ведущую на балкон. Я убираю гаджет в карман штанов, иду на звук, отодвигаю портьеру и вижу Антона. Руки сами дёргают ручку, чтобы впустить одноклассника, потому что дождь разыгрался не на шутку.

— Пойдём со мной? — подаёт руку сразу, не дав мне и слова сказать. — Пойдём, Лиз... — Маршал выдавливает из себя измученную улыбку, и выхожу на балкон.

— Что-то случилось? — смотрю на то, как моя маленькая кисть утопает в его крупной ладони, и замираю от ощущений, которыми меня в этот момент затапливает.

Жарко. Щекотно. Приятно. Кажется, кожу покалывает от его холодной руки.

— Побудешь со мной? — Антон крепко сжимает мои пальцы и с надеждой смотрит в глаза. В горле против воли образуется ком, но я киваю. — Хорошо, иди сюда, — он ловко перепрыгивает через преграду, разделяющую наши балконы и тянет меня следом. — Не бойся. Я держу.

Несмотря на его слова и сильные руки, оплетающие талию, зажмуриваюсь и не дышу, пока ноги не касаются твёрдого покрытия. Только в этот момент шумно втягиваю воздух в лёгкие. Сердце танцует на углях, когда иду за одноклассником, и ухает вниз, стоит нам переступить порог комнаты. В помещении все разгромлено. Мебель перевернута. Часть побита. На полу осколки. Я даже ступить вперёд боюсь. Тапочки на ногах вряд ли спасут.

— Извини, я тут немного... — Антон криво улыбается и подходит ближе, без прося кидая меня себе на плечо, как пушинку. — Вот так лучше, — опускает в кресло в противоположном углу комнаты, и оно единственное, судя по всему, не пострадало.

— Что случилось? — не могу перестать пялиться на одноклассника, который отпинывает от кресла части предметов и садится на пол, поворачиваясь ко мне спиной. — Антон?

Он лишь шумно выдыхает и запрокидывает голову назад прямо мне на колени. Взгляд мрачный. В нём нет прежнего веселья. Я даже дышать перестаю, пока он изучает моё лицо, после чего возвращается в прежнее положение и берёт мои руки в свои, перетягивая их к себе на плечи.

— Родители разводятся, — говорит равнодушно, — я чуть-чуть не рад, — усмехается, кивая на бедлам вокруг, — хочешь уйти? — добавляет тише. — Я пойму...

Я растеряна. Если признаваться честно самой себе, то не знаю, что должна говорить в этот момент. Представляю, как бы я отнеслась к разводу родителей, и в груди начинает щемить. Перенося до дрожи неприятную ситуацию на свою жизнь, понимаю, что лучше бы они разошлись, чем я потеряла обоих. Невольно содрогаюсь и проглатываю тугой комок, стоявший в горле. Я даже рот открываю, чтобы сказать Антону свои мысли, но тут же закрываю его. Уместно ли сейчас говорить ему что-либо? Или молчание будет максимальным проявлением поддержки и понимания?

— Не хочу. Я останусь, — произношу больше для себя, чем для него, и чувствую, как под ладонями растворяется напряжение каменных мышц.

Одноклассник шумно выдыхает и убирает руки себе на колени, а мои так и остаются на его плечах. Из нас двоих теперь повышенным вольтажом разбрасываюсь лишь я, потому что не представляю, как себя с ним вести. И да, впервые молчание меня жутко угнетает и натягивает нервы до предела. Хочется разрядить накаленную обстановку словами или действиями, ведь тишина, в которой мы пребываем, оглушает. Мне кажется, я невольно вздрагиваю от ударов своего сердца. Ладони, покоящиеся на плечах Антона, нестерпимо жжёт. Я прикусываю нижнюю губу, рассматривая разгромленную комнату.

— Может, я помогу тебе? — говорю и сама удивляюсь. Сердце колотится, когда одноклассник снова откидывает голову назад и прожигает меня тёмным взглядом. Нет в нём сейчас и толики того Антона, который называет меня *Милыми Ушками*. Этот Антон слишком серьёзный и источает агрессию. Я еле сдерживаюсь, чтобы не скукожиться, как луковица на солнце, и стойко выдерживаю зрительную пытку.

— Чем же?

— Прибраться... — пожимаю плечами и отвожу глаза в сторону, пока одноклассник сканирует моё лицо. Мне становится не по себе, но и уйти я не могу. Антон помог мне в гимназии, хорошо относится, несмотря на заверения Инны, что он не тот, за кого себя выдает, и в данный момент нуждается в моей поддержке, хоть меня слегка пугает его агрессивный настрой.

— Я не для этого тебя позвал, — принимает прежнее положение, лишая меня возможности видеть его глаза.

— А для чего? — слова даются с трудом, потому что Антон вновь напрягается, и у меня появляется желание резко одернуть от него руки, но что-то мешает мне это сделать. Смешанные чувства, которые возникают в душе искрами от костра, пугают меня до дрожи. В комнате тепло, а я зубы сжимаю, чтобы они не начали стучать друг о друга.

— Не знаю, Лиза, — усмехается Маршал, но точно не от веселья, — мне было плохо, и захотелось увидеть тебя.

У-у-ух-х-х... Вибрации от работы сердца затихают. Эти слова Антона затрагивают самые тонкие струны в душе, и я поддаюсь сиюминутному порыву и обнимаю его со спины. Слышу, как шумно он сглатывает, но не отталкивает меня. Бах-бах-бах! Кажется, что моё сердечко решило перекочевать к Маршалу. Так сильно ударяет по ребрам, что я дышать перестаю. Я в первый раз сама обнимаю парня и испытываю нешуточное волнение. Одно дело с девчонками выражать свои эмоции и совсем другое обнажать их перед противоположным полом. Я уже собираюсь отпрянуть, но Антон наклоняет голову и

прижимается лбом к моей руке. Глаза закрыты. Длинные ресницы трепещут. Уровень моего волнения перекрывает все допустимые нормы. Я даже моргнуть не могу. Кажется, от секундного забвения потеряется прелесть момента. Да! Мне нравится то, что происходит. Я чувствую себя нужной, а не брошенной. Эгоистично, конечно, в такое сложное для него время морально ликовать, но я ничего не могу с собой поделаться и позволяю себе любоваться Антоном. Он симпатичный, если выразиться с высоко вздёрнутым носом. Чистая кожа. Тёмно-русые волосы непослушными прядями спадают на лоб. Слегка полные губы, которые он сейчас поджимает, привлекают внимание. Я не могу пошевелиться и оторвать от него взгляда, настолько завораживает вид. Не знаю, сколько времени проходит, пока мы сидим вот так, прижавшись друг к другу, но я вздрагиваю, стоит Маршалу открыть глаза и посмотреть на меня. Щёки загораются от внезапного прилива крови.

— Мне жаль, — говорю, не в состоянии отвести свои в сторону, — придётся всё убрать, — не знаю, где беру силы для улыбки.

Конечно, первыми двумя словами выражаю свое отношение к тому, что его родители разводятся. Мне, правда, жаль.

— Можно вызвать клининг.

— Зачем? Когда есть это, — выставляю руки вперед и переворачиваю их, демонстрируя во всей красе. — Мне не сложно.

Антон пару секунд молчит. Карие глаза меняют цвет с очень тёмного на более светлый. На губах одноклассника появляется еле заметная улыбка.

— Ок, — поднимает руки вверх, — сдаюсь, — он поднимается и стопорит меня, когда я встаю на ноги следом за ним, — ты только подожди, Лиз, — указывает на кресло, — посиди. Я принесу мешки для мусора и... — оглядывается на беспорядок, который нас окружает, и проводит пальцами по волосам, наводя на голове хаос, — в общем, всё, что нужно принесу.

Киваю, совмещая пальцы на руках. Теперь мне неловко за свои порывы, но я не жалею, наоборот радуюсь, что Антон больше не излучает высоковольтного напряжения, как оголенный провод. Атмосфера вокруг нас заметно улучшается, когда мы разводим возню с уборкой. В процессе я замечаю, что в комнате нет предметов, которые бы характеризовали её хозяина, а ещё на сознание давит один вполне логичный вопрос. А где его родители?

Только я не произношу его вслух, продолжая манипуляции с совком. Когда последствия боя с мебелью удалены, я с довольной улыбкой на лице потираю руки. Комната уютная на самом деле. Сочетание серого и белого цветов. Пара кресел. Стол. Шкаф. Большая плазма на стене. Только... Всё это не состыковывается с Антоном, и он замечает замешательство, которое слишком ярко отражается на моем лице.

— Бабушкина квартира, — неужели он смог прочесть мои мысли? — у отца трёшка в самом центре. Я свалил, когда... — осекается. — Как восемнадцать стукнуло. Они продать хотели. Может, еще дележку устроят, — хмурится, сжимая завязки от мешка с мусором, — но, пока я здесь, — смотрит на меня без намека на улыбку, — и рад, что живу с тобой по соседству.

И я рада, но, естественно, не озвучиваю нахлынувшие чувства и молчу, пока Маршал стоит в ожидании. Приходится отвести взгляд.

— О! Ещё один осколок от вазы, — наклоняюсь, чтобы достать частичку от доньшка около ножки кресла, и ойкаю, потому что он впивается мне в пальцы. — Вот же...

— Сейчас, — Антон бросает мешок, уходит и возвращается с аптечкой, — хоть что-то полезное в доме осталось.

Он сводит брови на переносице и прикусывает губу, не позволяя мне самой обработать небольшой порез на указательном пальце. Быстро устраняет последствия моей неряшливости, наклеивая лейкопластырь, и улыбается.

— Готово! Теперь, как новый, — от заботы одноклассника теряю дар речи и просто киваю. — Предлагаю отпраздновать успешный клининг. Пойдём, — Антон тянет меня за собой к выходу из комнаты.

Мы проходим через темный коридор и оказываемся в маленькой кухне. Здесь тоже минимум мебели и деталей в интерьере. Я сажусь на стул и смотрю, как сосед по парте включает чайник, достаёт из шкафчика кружки и коробку со знакомой эмблемой. Только вместо вкусных эклеров там лежат три кусочка торта.

— «Наполеон»? — невольно улыбаюсь, когда он по-хозяйски подает мне самый большой.

— Для фигуры не вредно, — усмехается, — без сахара. Мама берёт в этой кондитерской сладости.

Стараюсь аккуратно откусить кусочек и остаюсь сладкоежкой с усами из слоёного теста. Антон смеется и повторяет тот же маневр с тортом, что и я. Неловкость, как ветром сдувает. Мы пьем чай и смеемся, забыв о том, какой повод объединил нас в этот вечер. Если честно, мне не хочется уходить от него, но Жанна может в любой момент вернуться домой и войти в комнату. Я же из-за неожиданного появления Антона даже дверь на замок не закрыла, поэтому, когда мы заканчиваем чаепитие и убираем чистые кружки в шкафчик, говорю ему, что должна уйти. Одноклассник кивает, поджимая губы. Выходим на балкон. Я тут же ежусь от порыва холодного ветра. Антон помогает мне перебраться через барьер между нашими балконами. Крепко зажмуриваюсь, оказываясь в его руках, и выдыхаю, ощутив твердое покрытие под ногами.

Маршал не спешит прощаться, да и руки с моей талии не убирает, смотрит в полумраке так, что душа выворачивается наизнанку.

— Считаешь меня психом? — огорошивает вопросом.

— Нет, — усиливаю свой ответ, отрицательно качая головой, — нет.

Антон кивает. Пальцы впиваются в мою талию. Стоим в молчании и разглядываем друг друга, словно впервые увиделись.

— Лиз, — одноклассник поднимает руку и дотрагивается до моего подбородка, — спасибо...

Все системы перестают функционировать, пока Антон часто дышит. Ноздри дрожат в такт, а после меня разрывает от того, как активируются органы. Маршал прижимает меня к себе, и я, помедлив, обнимаю в ответ, утыкаясь носом ему в плечо. Мне так хорошо в этот момент, что хочется плакать, но вместо этого я улыбаюсь, закрываю глаза и глубоко вдыхаю, запоминая все оттенки бесконечного счастья.

Понедельник начинается с беготни из-за замены уроков. Вместо двух часов литературы у нас в расписании появляется физкультура. Я захожу в раздевалку последней и подхожу к шкафчику, который мне выделили. Рядом располагается тот, что принадлежит Инне. Она уже надела на себя спортивный костюм и улыбалась мне в отличие от Кристины и её подружек, Марины и Вики. После разговора с Антоном одноклассница успокоилась, но не переставала окидывать меня ненавидящим взглядом, словно я украла у нее миллион долларов и не собиралась возвращать. Даже сейчас я ощущала, что с её стороны удушную негативную энергетику. Стараясь не обращать внимания на косые взгляды, я аккуратно сняла форму и повесила ее на плечики в шкафчик. Спортивный костюм остался еще с лета, и мне он очень нравился. Бежевый без вычурных вставок или других прибабасов. Совсем простенький на фоне брендовых шмоток, которыми упаковывали себя девчонки.

Но троица во главе с Кристиной не унималась и активно обсуждала модные новинки, косвенно указывая на меня, как на убогую деревенщину. Инна, услышав их перешептывания, берет меня под руку и выводит из раздевалки.

— Не обращай внимания, — спокойно произносит одноклассница, — Кристина ревнует Маршала к тебе. Как еще волосы на себе не рвет от горя, — посмеивается, но тут же становится серьезной, поглядывая назад, чтобы наш разговор никто не подслушивал, — слушай, Лиз, а что у вас с Антоном?

— Мы общаемся, — пожимаю плечами, но очевидно, что мой ответ не устраивает Инну. Она поджимает губы и смотрит на меня так, словно я на исповеди солгала священнику.

— Он от тебя не отлипает, — озвучивает свои размышления, пока я стараюсь оставаться внешне абсолютно равнодушной, — это странно.

— Скажешь тоже, — немного нервно улыбаюсь, поглядывая по сторонам на мимо проходящих одноклассников, — *не отлипает...* Антон просто помог мне. Вот и всё. Не думаю, что он действовал с каким-то злым умыслом.

— Надеюсь, что так, — она шумно выдыхает и по взгляду видно, что хочет еще что-то сказать по поводу Маршала, но осекается, — просто будь с ним осторожна, хорошо?

— Говоришь так, будто он маньяк, — посмеиваюсь, переводя в шутку напряженный разговор, а Инна натянуто улыбается в ответ.

— Кто знает. Может, так оно и есть, — наша беседа завершается на горьковатой ноте, потому что мимо нас проходит физрук, Сергей Васильевич Гладков.

Приходится проглотить ершистый осадок и пойти следом за ним. Только отвлечься от слов Инны сложно. Я прокручиваю их в голове вместе с воспоминаниями о том совместном вечере, который мы провели с Антоном, и пазл не складывается. Кажется, что Инна говорит мне о другом человеке, а не о том, который обнимал меня, стоя под дождём. Мне не хочется думать об Антоне плохо, особенно когда он появляется в зале и дарит мне вполне искреннюю улыбку. В моей душе вновь разрастается трепет, который я усердно скрываю за скупым кивком в сторону одноклассника. Сердце лихорадочно стучит, и ладони становятся влажными, стоит ему оказаться поблизости. Мы не разговариваем, потому что Гладков не любит, когда его перебивают, и наказывает за маленькую провинность отжиманиями от пола, или ходьбой гуськом. В общем, не скупится на воспитательные методы. Сергей Васильевич отправляет девчонок к матам, а парней вешать сетку для игры в волейбол.

Инна неожиданно вызывается мне в напарницы. Мы качаем пресс, прыгаем на скакалке, отжимаемся от колен, а физрук в это время усердно гоняет парней по залу, подготавливая к предстоящей игре.

— Василич помешан на спорте, — говорит мне Инна шепотом, — в своё время он был капитаном команды, ездил на соревнования от города, а потом почему-то вернулся сюда, хотя подавал большие надежды. Теперь отрывается на нас так, будто мы представляем собой гордость Российской Федерации, и каждый промах приравнивается к плевку на флаг.

Ответить ей я не успеваю, потому что Гладков переключается на нас. Да здравствует, шведская стенка! С непривычки мышцы противно ноют, но я старательно выполняю каждое упражнение, иногда посматривая на Антона, который выглядит, как король во время игры. Конечно, он без спорта смотрится, как бог, но сейчас привлекает внимание еще больше. Мои глаза то и дело ищут его на площадке, и, к сожалению, наши с ним переглядывания замечает Кристина. Она пыхтит и сжимает кулаки. Того и гляди, накинется на меня и разорвет на части. Их троица даже отходит от шведской стенки, стоит нам с Инной приблизиться. В общем, первый урок физкультуры проходит напряженно, и во время перерыва Маршал шокирует меня тем, что подкрадывается из-за спины и обнимает. Его руки оплетают мою талию, оставляя на коже за слоем одежды горячие следы. Я даже дышать перестаю в этот момент.

— Привет, Милые ушки, — шепчет на ухо и, покачивая нас, отводит в сторонку, — я чуть не проспал, — информирует, поместив подбородок на мое плечо.

Мне жарко. Лицо полыхает от пристального внимания одноклассников. Не только девчонок, но и парней. Остряк Кирилл Лабуков говорит что-то смешное товарищам, и они взрываются хохотом. Не хочется думать, что его шутка связана со мной, но одноклассник не отрывает от меня взгляда. Неприятно.

— Никуда не уходи после уроков. Я хочу тебя украсть, — отвлекает от их гогота Антон.

— Куда и зачем? — все-таки нахожу в себе силы ответить, пока сердечный ритм бьет все ранее поставленные рекорды. С организмом происходит что-то невероятное, когда одноклассник крепче прижимает меня к себе, проводит носом по щеке, утыкаясь им за ухо, шумно втягивает воздух. У меня по спине, как бисер, рассыпаются мурашки. Дыхание теряется в пространстве, будто этой системы не предусмотрено в моем брэнном теле.

— Узнаешь, — Антон шумно выдыхает и с трудом отлепляется от меня, когда на горизонте появляется Гладков. Маршал отходит от меня на несколько шагов и подмигивает. Простой жест, на который я бы раньше не повелась, а сейчас глупо давлó улыбку и с красным лицом возвращаюсь к Инне, которая провожает Антона подозрительным взглядом.

— Точно что-то задумал, — бубнит под нос больше для себя, чем для меня. Я лишь веду плечом. Не хочу думать о плохом и приступаю к очередному кругу упражнений на пресс. Когда наступает время подтягиваний, Инна отпрашивается в уборную, а меня толкают к турнику. Я прохожу по мату и цепляюсь руками за перегородку. Подтягивания выжимаю, прикладывая все силы, и не замечаю того, что происходит вокруг. Поднимаясь вверх очередной раз, чувствую, как меня толкают в бок, и теряю координацию. Руки соскальзывают с перекладины, и я падаю вниз, ударяясь коленками и локтями об пол. Невольно взываю. Очень больно.

Кристина улыбается. Девчонки закрывают обзор, встав кругом. Я сжимаю кулаки, борясь со злостью, но, когда вижу отодвинутый в сторону мат, на который я должна была приземлиться, перед глазами пролетают огненные вспышки. Физическая боль такая же

сильная, как и злость на Кристину.

— Что здесь происходит?! — Гладков оглушает своим ревом. Девчонки расступаются, показывая меня. Инна охает за спиной у физрука и подбегает ко мне, помогая подняться на ноги. Антон прерывает игру и отбрасывает мяч в сторону.

— Неряха упала и даже мат не постелила, — Крис усмехается, складывая руки на груди, — позорище.

— Кирьянова, технику безопасности не соблюдаешь? — недовольно говорит Сергей Васильевич, пока я с пунцовым лицом убиваю Кристину взглядом.

— Я не...

— Да, Сергей Васильевич, Кристина правду говорит, — не дает мне слова сказать Марина.

— В медпункт, — командует физрук, — Ростова, отведи подругу, — указывает на Инну, которая послушно кивает.

— Я помогу, — Антон подходит ко мне, перехватывая у Инны, — отведу.

— Ладно, — хмыкает после непродолжительного зрительного боя Гладков, — а послеознакомишь новенькую с техникой безопасности. На следующем уроке проверю. Чтобы от зубов отлетало, — указывает на девчонок и парней, которые перестали заниматься, — а вы работайте!

Одноклассники нехотя разбредаются. Кристина стискивает зубы, глядя на то, как Антон ведет меня к выходу из зала, а Инна вопросительно смотрит, но не идет следом, когда я шевелю губами. *Все в порядке.*

— Сильно болит? — Маршал аккуратно поддерживает меня за талию, хотя и незачем. Ногу я не подворачивала. Колени болят, но идти я и сама в состоянии.

— Нет, — вру почему-то, а он хмурится.

— Я разберусь, — цедит сквозь зубы. Каждый мускул в его теле напрягается, и я отрицательно качаю головой.

— Не надо.

— Надо, — припечатывает с гневом и замолкает. В кабинет медсестры захожу одна. Смысла быть в грудь и доказывать, что девчонки все подстроили, нет, и я говорю, что упала сама. Женщина средних лет дает мне мазь, осмотрев с ног до головы. Ссадин нет, но синяки проявятся. Серьезные повреждения отсутствуют. От физкультуры освобождает на неделю, и я с понурым видом выхожу в коридор, где меня ждет Антон. Без слов идем к раздевалкам. Звонок с урока прозвенел еще в тот момент, когда я была в медпункте. Некоторые одноклассники уже успели переодеться. Я молчу, гоняя в мыслях момент падения, и корю себя за то, что не заметила подставы от Кристины. Антон скрипит зубами и сжимает кулаки. Я должна ему что-то сказать, но язык не поворачивается. Когда мы сворачиваем к раздевалкам, я останавливаюсь и шумно выдыхаю. Глазам своим не верю.

— Чтоб тебя... — Маршал ударяет кулаком по стене, а мои глаза бегают по испорченной форме, которую выставили в коридоре с плакатом «Плачь, новенькая. Это только начало».

Новость о моём падении и испорченной одежде пролетает по гимназии со скоростью вражеского истребителя, и вскоре в учебное заведение приезжает моя разгневанная мать. Пока я сижу в коридоре, она что-то громко обсуждает с директором. Для меня её звучный голос с нотками недовольства и злости звучит странно. Если в мою сторону Жанна Павловна направляла лишь смиренную заботу, то сейчас излучала совершенно противоположные эмоции, от которых меня слегка коробило. Я рассматриваю свои руки и жду, когда шумиха вокруг выходки одноклассниц закончится, потому что вину конкретного человека нельзя было доказать. В раздевалках нет камер видеонаблюдения, а та, которая расположена в коридоре, не захватывает нужный ракурс. Классная всех загнала на урок. Даже Антона, который порывался остаться со мной до последнего. Не знаю, чем она ему пригрозила, но Маршал ушел в класс очень злой. Я не могу определить своего состояния. Я не напугана, нет. Скорее растеряна.

Я не понимаю, зачем Кристина со своими подружками так отчаянно издевается надо мной. Конечно, это все из-за Антона, но её поступки никак не укладывались в моей голове. Я бы так не поступила. Для меня это дико и не поддается логике. Что ещё хуже, я не знаю, чего от нее ожидать дальше. Прерывать общение с Маршалом из-за её выходок будет глупо, и я не хочу этого делать. Меня устраивает наш установившийся коннект, и его, судя по непрерывающемуся потоку сообщений, тоже.

Маршал: Как ты? Что говорят?

Милые ушки: Всё хорошо. Жду Жанну в коридоре.

Маршал: Жанну?

Милые ушки: Моя мать...

Маршал: Когда вернешься в класс?

Милые ушки: Жанна забирает меня домой.

На этом наша переписка с Антоном прерывается. Мама выходит из кабинета директора с пунцовым от гнева лицом, хватая меня за руку и тащит к выходу. Я передвигаю ноги, пока ее поведение перетекает в истеричное.

— Почему ты не сказала, кто это сделал?! — взрывается уже на улице, усиливая хватку на моем запястье. — Ты ведь знаешь, да, Лиза?! — упирается в меня яростным взглядом, когда мы останавливаемся около машины, и не собирается отпускать.

Да, на вопросы о том, кто это сделал, я ответила, что ничего не знаю. Я ведь правда ничего не знаю! Свидетелей среди одноклассников не нашлось, и тыкать пальцем в Кристину нет смысла. Она все равно отмажется. Стойко выдерживаю направленное на меня напряжение Жанны Павловны, а она скрипит зубами.

— Меня уверяли, что эта гимназия приличное учебное заведение, а на самом деле рассадник малолетних хулиганов, — она вроде старается держать лицо, но оно искажается от эмоций, и я вспоминаю, как Жанна может выражать негатив, в каких действиях и словах.

От этого внутренне скукоживаюсь, но внешне никак не показываю своего триггера. Даже не моргаю, чтобы не спугнуть свою напускную смелость.

— Почему ты молчишь, Лиза? — выдавливает через зубы. Хватка на запястье становится нестерпимо болезненной, и я кривлюсь.

— Мне больно. Пусти, — с трудом выдергиваю свою руку из её железных пальцев и

потираю пострадавшее место. Жанна несколько раз растерянно моргает и отводит взгляд в сторону. Сердце гулко ударяет по ребрам, когда я сажусь в машину и цепляюсь в рюкзак, словно он мой спасательный круг. Жанна Павловна молча заводит мотор и выезжает с парковки. Я смотрю лишь в окно на прохожих и автомобили. Отвлекаюсь на погоду, которая наперерез той, что уничтожала нас в выходные, радуется. Солнце нещадно палит, и вместо того, чтобы гореть в костре эмоций, хочется погулять. Скрыться в тени деревьев парка или в кафе, чтобы не думать о том, что произойдет в следующий момент.

— Я найду тебе другую школу, — вдруг припечатывает словами Жанна, и я не выдерживаю.

— Ты издеваешься надо мной, да?! Думаешь, там будет лучше?! Может, сразу на домашнее обучение посадишь?! В клетку! — губы дрожат от обиды на нее. Я не справляюсь с эмоциями. Попросту их не вывожу. На грудную клетку давит, словно кто-то кинул туда бетонную плиту. Профиль Жанны расплывается перед глазами, и я отворачиваюсь, чтобы не показать свою боль, которая слезами выливается наружу. Я уже не могу держать их в себе и тихо давлюсь, пока машина движется к дому.

— Я не издеваюсь, Лиза. Кто знает, что эти дети вытворят в следующий раз. Я о тебе забочусь в первую очередь, — звучит настолько фальшиво, что я стискиваю зубы, чтобы вновь не разразиться истеричным криком. — Я не хочу, чтобы тебе причинили вред.

— Не беспокойся. Хуже, чем ты, мне вряд ли кто-то сделает, — говорю и пулей вылетаю из автомобиля, когда Жанна останавливает его около подъезда. Внутри все клокочет. Я игнорирую пустой лифт и взлетаю по ступенькам вверх, будто за мной гонится маньяк. На удивление первой врываюсь в квартиру и закрываюсь в комнате, боясь, что Жанна Павловна захочет продолжить наш разговор. Зря. Мать решает оставить меня в покое до самого вечера. Я же все это время лежу на диванчике и верчу в руках телефон. На него поступают сообщения от Антона, но я не отвечаю. Не хочется. Ничего не хочется. Как представляю, что в очередной раз меняю школу, внутренности сводит болезненным спазмом. Как она может так со мной поступать? Неужели в ее груди нет сердца? Правда, не понимает, насколько это тяжело?

В восемь вечера Жанна стучит в дверь, и я непроизвольно напрягаюсь, чувствую каждую мышцу в теле.

— Лиза, давай поговорим, — говорит, не используя запасной ключ, чтобы войти в мою маленькую крепость, — выйди, пожалуйста.

Мне не хочется её видеть. Если честно, то и разговаривать ни с одним человеком не имею желания, но вместо продолжения бунта я поднимаюсь и иду к матери. Она стоит, переминаясь с ноги на ногу, когда открываю дверь.

— У меня есть новости. Пойдем, — указывает в сторону кухни, — тебе нужно поесть, и у меня во рту крошки не было за весь день.

Шевелю конечностями, глядя на спину матери. Она держится богиней даже в домашнем спортивном костюме.

— Я заказала всего помаленьку. Не знаю, что тебе нравится, — сажусь за стол, который ломится от еды. Суши разных видов. Блинчики. Салаты. Какие-то сладости. Желудок сводит от голода, но я почему-то жду слов Жанны Павловны.

— Если ты хочешь остаться в гимназии, то оставайся, — без улыбки сообщает, внимательно глядя на мою реакцию.

Спаси-и-ибо большое... Сглатываю слюну, скапливающуюся во рту от ароматов

вкусноты, которой закупились Жанна, и складываю руки на груди.

— Я не хочу с тобой ругаться, Лиза. Я хочу, чтобы мы начали нормально общаться. Разговаривать мирно. Без скандалов и криков. Но только моего желания недостаточно. Мы обе должны пойти навстречу друг другу.

Она в ожидании смотрит на меня, пробуждая неприятные чувства в душе. Я не хочу откровений и разговоров. С НЕЙ! Не хочу и все тут! Поэтому вместо ответа пододвигаю к себе тарелку и начинаю есть роллы с шапкой соуса и креветкой сверху. Жую медленно, хотя голод подталкивает к более резким действиям. Жанна тяжело вздыхает и включает чайник. Вертит в руках пачку с каким-то китайским чаем и кусает губы.

— Мои работы заметили, представляешь? — произносит на одном дыхании и делает глоток чая, кивая мне на чашку с ароматным напитком. — Предлагают сделать выставку у одного известного художника в галерее, — она улыбается, но нервно. Уголки губ то опускаются, то взлетают. — Галерея громко сказано. Большое помещение в центре, но там соберутся известные люди.

— Поздравляю, — произношу, пока сердце гулко колотится. Звучит холодно, словно мне плевать на ее успехи. Нет, мне не все равно, но и изображать радость я не собираюсь. Мне неприятно. Я злюсь. У нее жизнь налаживается, а мою она решила испоганить окончательно. Грудную клетку затапливает горячими волнами боли. Кусок больше в горло не лезет. Беру в руки чашку с чаем и поднимаюсь под удивленный взгляд Жанны Павловны.

— Я спать хочу, — оправдываю свои некрасивые действия. На самом деле сбежать хочу.

— Лиза...

— Я могу уйти? — голос дребезжит. Жанна изводит меня молящим взглядом, но утвердительно кивает. Возвращаюсь в выделенную мне комнату и иду к столу, не включая свет. За окном уже сгустились сумерки, и я не хочу их прогонять. Ставлю чашку на столешницу и качаю головой, отталкивая от себя гнетущие мысли. Я не могу избавиться от злости, которая растет внутри в геометрической прогрессии. Самое ужасное, что направлена она на родную мать. Все ее действия, будто кричат, как она счастлива здесь! Как ЕЙ хорошо в новой жизни! А у меня в груди дыра выгорает размером с лунный кратер. Дышу часто и понимаю, что не могу восстановить процесс нормальной вентиляции легких. Каждый сосуд внутри полыхает. Я не беру телефон в руки, когда тот пиликает, оповещая об очередном сообщении, и вздрагиваю, услышав стук в окно. Сердце заходится от страха, хотя я знаю, кто находится за тонкой преградой.

Иду к двери, выходящей на балкон, ныряю за тяжелую портьеру и вижу Антона. Не думая о том, что Жанна может пойти за мной и увидеть нас, запускаю его в комнату. Мы не проходим в глубь. Стоим за портьерой близко друг к другу. Я слова вымолвить не могу, упираясь взглядом в подбородок Маршала.

— Ты на сообщения не отвечала... — шепчет, а я подаюсь вперед и обнимаю его, прижимаясь головой к плечу.

Антон каменеет, пока я зажмуриваюсь и глубоко вдыхаю, словно так можно забыть весь сегодняшний день. Чувствую, как он шумно выдыхает мне в макушку, и аккуратно помещает руки на талию. Расслабляюсь. Сердце бомбит. И не только мое. Не хочу открывать глаза. Так спокойно рядом с ним. Сердцебиение не затихает. Гулом раздается в ушах. Жмусь к однокласснику сильнее, сама того не ведая и подпитываясь внутренними страхами. Кажется, что стоит мне открыть глаза, и он растворится в воздухе.

— Пожалуй, придется все-таки сделать то, о чем я тебе говорил, — тихо произносит,

пока я смыкаю веки с утроенной силой.

— Что?

— Украсть тебя.

Украсть тебя... Украсть тебя... Украсть тебя...

Слова Антона эхом пролетают в голове, и я заставляю себя отстраниться от плеча, которое притягивает меня, как магнит. Перемещаю взгляд выше на его лицо и сглатываю. Опять передо мной серьезный Маршал, а не улыбчивый Тоша. Смотрит, окутывая своей тяжелой энергией, и вызывает тем самым внутреннюю дрожь.

— К себе? — губы еле шевелятся, пока мы разглядывает друг друга.

— Хотел в кафе и кино, — хмурится, сводя брови на переносице, — а сейчас думаю, что это слишком банально и не актуально вовсе.

Да... Тут он прав... Я не хочу ни в кино, ни в кафе. Нет желания находиться среди большого скопления людей. Если бы Антон не проявил инициативу, то я бы не скоро ответила на входящие сообщения. Даже Женя попала в воронку игнора, которая закручивалась все сильнее и задевала каждого человека, находящегося рядом со мной.

— Хочешь в кино? Можем прямо сейчас рвануть, — всматривается в мое лицо, но я отрицательно качаю головой и наверняка становлюсь похожей на помидор цветом щек, — не любишь смотреть фильмы? И чем ты занимаешься в свободное время?

— Рисую, — пожимаю плечами и чувствую, что меня затапливает стеснением за свои занятия. — Читаю.

— Нравится раскрашивать жизнь, — уголки губ Антона медленно ползут вверх, и я задерживаю дыхание. Находится в такой непростительной близости становится невыносимо. Жарко. Неловко. Приятно...

— Вроде того, — снова ограничиваюсь кратким ответом, потому что рядом с Маршалом сложно держать свои мысли под контролем. Речевой аппарат может подвести, а мне не хочется выглядеть глупо. Заикаться или мямлить.

— Тогда бери черевички, и погнали за яркими красками, — Антон убирает руки с моей талии и подмигивает. Мои колени тут же пружинят, словно в них вкачали желе. Сердце обливается кровью при очередном ударе. Я хочу сбежать. Больше всего на свете я желаю оказаться подальше от Жанны и ее фальшивого счастья. Киваю вместо ответа и не могу сдержать улыбки. Стены новой квартиры давят, пока я, как воришка, мастерю на диване имитацию себя спящей, аккуратно вытаскиваю из коробки новые кроссовки, которые купила Жанна Павловна, обуваю их и возвращаюсь к Антону с колотящимся сердцем.

Никогда не сбегала из дома. Часто мечтала оказаться в другом месте, но не могла подвести тётю. Все-таки она за меня переживала и несла ответственность, а сейчас... В душе настолько гадко, что я закрываю совесть под замок и шагаю к своему соседу по парте и лестничной клетке. Мы выходим на балкон, Антон помогает мне перебраться через барьер, и я крепко зажмуриваюсь. Чувство невесомости не самое приятное, и если бы не крепкие пальцы одноклассника на талии, то я бы на подобный маневр точно не решилась.

За окном уже темно, и жгучее ощущение страха пробирается под кожу, как бы я его не отталкивала. Я боюсь, что Жанна зайдет ко мне и увидит подмену. Не представляю, как она отреагирует на мой поступок.

— Такси будет через две минуты, — сообщает Антон, когда мы проходим через комнаты к выходу. Все это время он что-то усердно пишет в телефоне. Мне любопытно, но вторгаться в личное пространство я не буду, поэтому смиренно жду, когда он закончит. —

Держи. Там холодно, — подает мне свою черную толстовку.

Я влетаю в нее, как в палатку, и при первом глубоком вдохе чувствую головокружение, вызванное незабываемым ароматом. Вещь Антона пахнет дорогим парфюмом. Что-то еле уловимое, напоминающее морской бриз. И исключительный запах самого Маршала. Когда его обнимала, прочувствовала по максимуму каждую нотку. Нет, у меня не было подобного опыта. Я не принималась к парням. Попросту не имела такой привычки, но с Антоном все шло не так, как с другими. Его мне хочется подпустить ближе, несмотря на предостережения Инны. И я, к своему удивлению, пытаюсь слиться с черной тканью, дышу глубоко и медленно, чтобы этот момент отпечатался в памяти, как один из самых приятных.

Мы выходим из квартиры практически на цыпочках. Маршал улыбается, указывая на лифт, но я почему-то хочу спуститься по лестнице. С нервными смешками, которые вырываются из моего рта, преодолеваем расстояние до первого этажа. Антон не говорит, куда хочет меня увезти, и я не спрашиваю. Страх нет совсем. Скорее волнение, а его я испытываю на регулярной основе, находясь с одноклассником наедине или слишком близко, как сейчас, на заднем сиденье в такси. Антон держит меня за руку, переплетает пальцы, запуская в моем организме невероятно бурные реакции, и смотрит в телефон. Кровь закипает в венах, пока он водит подушечкой большого пальца по моей раскрытой ладони. Вроде не происходит ничего сверхъестественного. Незначительное движение. Легкое касание кожи с кожей, а у меня мир рушится и выстраивается заново.

— Приехали, — влетает в уши голос Антона, и я поворачиваю голову в сторону темного здания, которое слабо освещается фонарями.

Два этажа. Невзрачная вывеска. «СПАРТАК». Не нужно быть гением, чтобы понять, что перед нами находится, но Маршал решает пояснить.

— Мы с пацанами здесь часто собираемся. Видок не очень, зато внутри все наше, — Антон тянет меня к зданию, когда мы выбираемся из такси. Сжимает руку так, словно я могу убежать. Куда там... Я не подумала ни о телефоне, ни о деньгах на обратную дорогу, полностью доверилась парню, которого не знаю толком...

— Мрачно, — произношу больше для себя, чем для него, но Маршал слышит. Улыбается, заводя меня за угол, и показывает на дверь с пошарпанной краской.

— Не бойся, Лиз. Я же с тобой, — подмигивает, шаря в кармане штанов рукой, а я ежусь от порыва холодного ветра.

На мне все тот же спортивный костюм и толстовка Антона, но эти слои теплой ткани не спасают от наступающей осени. Он открывает дверь и пропускает меня внутрь, заметив, что я скукожилась, как бездомный щенок. Дверь за нами закрывается, и я рвано выдыхаю. Мы оказываемся в крошечной темноте, в которой отчетливо слышится лишь одно, — наше шумное дыхание.

— Сейчас, — протягивает одноклассник и ступает вперед, держа меня за руку.

Мне в голову приходит идиотская мысль — а не склеились ли наши пальцы за время, что мы уже провели вместе. *Дурочка!* С трудом давлю смех от своих бредовых размышлений и иду за Антоном. Мы выходим в большой зал. Он слабо освещен и не пустует. Заметив двух парней, валяющихся на матах справа от главного входа, я вся напрягаюсь.

— Милые ушки, задрожали, — усмехается Маршал, ловко выворачивая руку. Я оказываюсь впереди, а он обнимает меня со спины. Горячие пальцы накрывают мои. Подбородок упирается в плечо. Теплое дыхание касается уха и слегка шевелит волоски. И да... Я дрожу от того, как реагирует на каждое движение Антона мое тело и сознание. Этс

страшно... Страшно приятно. — Они — свои.

Мы медленно приближаемся к парням. Когда до них остается буквально пара шагов, я узнаю в них одноклассников — Кирилл Лабуков и Саша Самойлов. Те еще тролли и не особо приятные личности. Для меня. Таково мое впечатление о ребятах, которые невзлюбили новенькую. Напрягаюсь еще сильнее. В голове громыкает голос Инны. И как бы я ни старалась его прогнать, не получается. Сглатываю.

— О-о-о! — на свой манер протягивает Лабуков, поднимаясь с мата. Саша садится и зевает, поглядывая на нас с Антоном. — Кирьянова... Пошалить решили? — играет бровями. Взгляд выражает ту гамму эмоций, от которых по коже пролетает мерзкий холодок. Отвожу взгляд в сторону и переключаюсь на окружающую нас обстановку, мысленно настраиваясь на правильный лад. *Я с Антоном. Все в порядке. Меня никто не тронет.*

— Кир, заткнись, — припечатывает Маршал, но пожимает ему руку. Аналогично отвечает Самойлову. — Все приготовили?

— Обижаешь, — говорит почему-то лишь Лабуков. При этом с такой важностью, словно работает министром. — Вон коробки. Пространство очистили. Только, Тох, за собой потом приберите, а то батя мне голову оторвет, если узнает, что я вас сюда вожу, — впивается в меня взглядом, — еще и для утех.

— Вы не останетесь? — Антон игнорирует очередной грязный намек одноклассника.

— Меня Ленка ждет, — Самойлов вновь подавляет зевок и поднимается, — обещал прогулку, — недовольно сообщает.

— Каблук, — Лабуков дает подзатыльник другу и виснет на его плечах, — играйтесь, детки, а мы пойдем во взрослую жизнь, — сердце принимается выбивать более обширную территорию для работы, когда парни, балуясь, уходят из зала. Антон провожает их взглядом, после чего разворачивает меня к себе лицом. Улыбается. Обстановка чересчур интимная. Приглушенный свет. Красивый одноклассник в паре сантиметров от меня. Голова идет кругом, и я отступаю назад, чтобы вдохнуть глубже и не сойти с ума от неизвестности.

— Боишься, Лиз? — спрашивает с кривой улыбкой и странным блеском в глазах. Наступает на меня, а пячусь назад, как каракатица. Сжатие сердечной мышцы сверхскоростное. Кажется, достигает горла. Я выравниваю спину и задираю нос повыше. Так убеждаю себя в собственной смелости.

— Нет. Не боюсь, а надо?

— Да, — Антон наклоняет голову сначала вправо, потом влево, разминает мышцы шеи и продолжает наступление, — бойся меня, моих мыслей и моих желаний. — Уши закладывает от частоты пульса, пока Антон указывает мне за спину. — Дверь там. Беги, Лиз. Беги, пока не поздно.

Слова Маршала вместе с плавными движениями вызывают прилив страха к моему бедному сердечку, которое вот-вот лопнет от безумной скорости сокращений. Я продолжаю отступать в сторону двери, на которую указал Антон, и, стоит ему ускориться, сразу перехожу на бег. Дрожащими пальцами хватаюсь за ручку и забегаю в темное помещение. Я даже не заметила, что это не та дверь, через которую мы вошли в зал. Я замираю в центре комнаты с гулко стучащим сердцем и пячусь назад, пока не упираюсь спиной в стену, а одноклассник останавливается в считанных сантиметрах от меня. Кажется, все тело набивают ватой, и оно не может держаться на такой шаткой опоре, в которую превратились ноги. Шумно сглатываю и судорожно выдыхаю, когда одноклассник придвигается ближе и опалает дыханием щеку справа.

— Ты меня пугаешь, Антон, — шепчу первой, а он замирает в нескольких сантиметрах от моего лица. В темноте все нервные клетки оголяются, и я панически открываю рот. Благо, что Антон отходит от меня и включает свет. Мы в раздевалке, судя по ряду шкафчиков с одной стороны.

— Ты правда напугалась? — спрашивает, проводя рукой по волосам. Я громко вдыхаю и выдыхаю, не отрывая от него взгляда. Вот тебе и смелая Лиза Кирьянова...

— Да.

— Прости, Лиз, — подходит, скромно улыбаясь, и берет меня за руки, — я думал, ты поняла, что это шутка...

Его виноватый взгляд, скромная улыбка и нежные поглаживания ладоней пальцами действуют на меня странным образом. Я успокаиваюсь, но улыбаться не могу.

— У меня есть запасной комплект одежды, — Антон указывает на шкафчики, — сейчас дам его тебе.

— Зачем?

— Чтобы не испортить твой костюм, — пожимает плечами и достает стопку одежды, — вот. Не бойся, больше пугать не буду. Только положительные эмоции.

— Ладно, — произношу после небольшой паузы и смотрю, как Антон перемещается по комнате к выходу, оставив вещи на лавочке.

Как только дверь за ним закрывается, я прижимаю холодные ладони к полыхающим щекам и глубоко вдыхаю. Ощущения после неудачной шутки одноклассника смешанные. Мне интересно, что Антон задумал, но в то же время отголоски страха парализуют каждую клетку тела. Заторможено двигаюсь к стопке с одеждой и, взяв белую футболку, которая лежит сверху, втягиваю знакомый аромат в легкие. Наверное, я схожу с ума, потому что в следующие пять минут передеваюсь и поджимаю губы, чтобы не светить на всю раздевалку глупой улыбкой. Сердце работает на разрыв, когда выхожу в зал и вижу Маршала. Застываю на месте разглядывая маты посреди помещения. Антон увлеченно достает из коробок их содержимое, а я открываю рот от удивления. Догадка прошибает внезапно, и мне хочется прикрыть рот ладошкой, чтобы не завизжать от восторга, потому что одноклассник оборудовал место для настоящего *творческого пиршества*.

— Иди ко мне! — машет мне рукой, прикрывая маты пленкой. — Только кроссы сними!

Пульс интенсивно ударяет по вискам, пока я скидываю с ног обувь и ступаю на маты. Антон играет бровями, прикусывая нижнюю губу, и я не знаю, что говорить.

— Это не галерея искусств, но... Что мог, то сделал. Тебе нравится?

— Мы будем раскрашивать друг друга?

— Да, — довольная улыбка расплывается по его лицу, а у меня грудную клетку затапливает теплом.

Невероятно. Именно этим словом могу описать свои эмоции, которыми меня накрывает. Маршал указывает на упаковки с фестивальными красками с одной стороны — мои. С другой — его.

— Просто пачкать пространство неинтересно, поэтому поиграем, Милые ушки, ок?

— Как поиграем?

— Ну знаешь, как у мозгоправов, — усмехается, — действие сопровождается словом. Давай, я первый? Ты втянешься, — уверенно протягивает и берет маленький прямоугольник с красным порошком.

Мое сердце от чего-то пускается в пляс, а потом резко замирает. Антон задумчиво чешет затылок и резко бросает в меня снаряд. Взвизгиваю!

— Но ты ничего не сказал?! — возмущаюсь и беру свои мини гранаты. Воздух наполняется красной дымкой.

— Сори, Лиз! Мне нравится, когда ты пугаешься, — Антон с видом ангела пожимает плечами и посмеивается над моим видом. — Но для приличия скажу с запозданием. Бомблю твоё плохое настроение.

— И что я должна говорить? — кидаю в него красками так же внезапно, но он практически избегает удара. Пакетик разлетается на части, лишь слегка касаясь его локтя.

— Что тебя беспокоит или бесит, — снова играет в невинность, а в глазах плещется заразный азарт, — и?

— Ненавижу переезжать! — кидаю пакетик со всей силы. Антон свистит и даже не пробует отворачиваться, наоборот, берет свой снаряд и пуляет его в меня.

— Бесят предки!

— Бесит Жанна!

Мы кидаем краски в друг друга и смеемся, хотя слова, которые сопровождают действия, не совсем приятные. Когда выкрикиваю их, в груди начинает жечь, словно там органы на куски разлетаются. Ощущения мимолетные. После них наступает взрыв адреналиновой бомбы в крови. Я сама не понимаю, как мы приближаемся друг к другу. Маршал пытается выхватить пакетики с краской, а я виляю из стороны в сторону. Ловит со спины. Я в капкане его рук. Запинается из-за моего слабого сопротивления. Вместе падает на маты. Пространство вокруг нас разноцветное. Тихо чихаю. Потом еще раз. И еще. Антон смеется. Толкаю его в плечо, и он перекачивается, меняя положение тела. Нависает надо мной и часто дышит. Улыбка исчезает с его лица, пока я все еще растягиваю губы в улыбке.

БАХ-БАХ-БАХ! Сердце ликует, и проблемы дня теряются в прошлом. Антон перемещает взгляд с моих глаз ниже. На губы. Я, наверное, вся пеструю радугой. Наклоняется ниже. Приближение разрыва сердца неминуемо.

— Мы весь зал раскрасили, — выдыхаю ему в губы, и тот резко моргает, словно пришел в себя. Отстраняется и падет спиной на мат, поднимая очередную цветную дымку. Лежим в тишине. Я чувствую, что стопорится работа внутренних органов, но по мере того, как нормализуется дыхание, восстанавливаются и другие процессы в организме. Я не успеваю порадоваться спокойствию. Маршал присаживается и тянет меня к себе. Запах краски смешивается с его парфюмом. Достает телефон, включает фронтальную камеру и ловит

удачный кадр, прижимая меня к себе. Несколько снимков, и мое сердце в очередной раз заливается кровью. Не от негативных эмоций или печали, а от искренней радости. Момент запечатлен, и мне непривычно, что инициатором селфи является парень. Я стесняюсь, а Антон задумчиво откладывает телефон в сторону и смотрит на меня.

— Нужны ушки.

— Что?

— Я сделаю? — в его глазах загорается нескрываемый азарт, и мне остается лишь кивнуть в знак согласия.

Маршал возится с моими волосами, временами причиняя боль, но я терплю, как истинный воин.

— Готово! — он точно собой доволен. Вновь направляет на нас экран, и я не выдерживаю. Смеюсь в голос, увидев КАКИЕ ушки он мне накрутил. Маршал дует губы. И шутку, конечно. Снимает нас на видео. Я пытаюсь спрятаться за него. Вроде в его действиях нет ничего такого, но для меня каждый миг становится самым ярким в жизни и запоминающимся. Я давно так не радовалась, поэтому, когда он убирает гаджет обратно в карман, произношу:

— Спасибо, — Антон почему-то напрягается и отводит взгляд в сторону, — за этот вечер. Правда... Я не знаю, как тебя отблагодарить... — прикусываю губу изнутри и жутко волнуюсь, не ощущая реакции от одноклассника. — Я прекрасно провела время.

— Тебе не за что меня благодарить, — прочищает горло, — к тому же, — усмехается и ложится на спину, увлекая меня за собой, — нам все это убирать.

Меня не пугает перспектива провести еще пару часов в его обществе. После уборки в квартире Антона последствия войны красок кажутся мизерными. Все глупые мысли и страхи испаряются вместе с плохим настроением. И как я могла испугаться? Боже... Даже стыдно становится...

Лучше Маршала ко мне никто не относится в гимназии. И дома... Улыбка потихоньку спадает с губ. Я чувствую, как Антон находит мою руку и сплетает наши пальцы. Смотрим в потолок. Молчим, погружаясь в собственные мысли. И мне не хочется возвращаться к Жанне. Я знаю, что снова потеряю весь позитивный запал, которым меня подпитал одноклассник.

— Лиз, — поворачиваю голову в его сторону, — мне тоже понравилось, — пытается улыбнуться и говорит так, словно сам шокирован.

Очередной взгляд в потолок. Касание пальцев. Ускоренный сердечный ритм. И бабочки в животе.

Я никогда не забуду этот вечер.

— Итак, стервятники мои, — Олеся Викторовна кидает сумку на стол, обходит его, становится перед нами, упираясь в столешницу ягодицами, тяжело вздыхает и складывает руки на груди, — у меня несколько новостей.

— Начинайте с плохой! — чуть ли не выпрыгивает с последней парты Лабуков, чем веселит большую часть класса.

— Без тебя разберусь, Кирилл. Сядь на место и помолчи.

— Да я же...

— Я все сказала, — классная трет пальцами переносицу, словно разговор с нами ей дается с трудом, — итак, первое, ваши тесты. Результаты плачевные...

Я увожу взгляд на телефон и гипнотизирую экран. Рядом со мной пусто место. Антона нет. После совместного вечера он не дает о себе знать. Я сама не пишу, и он не спешит радовать пожеланиями доброго утра. Эйфория, которую я испытываю после *творческого взрыва*, постепенно идет на спад. Мне хочется увидеть Маршала и... Я даже не знаю, что дальше. От одной мысли о нем у меня сердце начинает биться чаще. Его, словно кипятком обливают в такие моменты. Реакция непохожая на другие. Она жутко пугает меня и радует одновременно. Пропускаю мимо ушей слова Олеси Викторовны о результатах тестирования по предметам. Я знаю, что не набрала нужного количества баллов, хотя стараюсь усвоить материал в ускоренном темпе. Настроение, которое держится на высокой отметке, благодаря стараниям Антона, закономерно опускается за минимальное значение. Я тянусь к телефону и проверяю, не пришло ли мне сообщение от Маршала или от Жени, которая даже на звонки мои перестала отвечать.

Пусто.

Отодвигаю от себя смартфон и переключаю внимание на Олесю Викторовну. В грудной клетке жжет. Понимаю, что обижаться глупо, но ничего не могу с собой поделать. Меня плющит от этого кислотного чувства так сильно, что уши закладывает.

— Ещё наш класс ответственный за подготовку актов зала к театральному вечеру.

— Нет!

— Не-е-ет...

— Олеся Викторовна, отмажьте нас...

— Я уже отмазала, — усмехается женщина, — вместо участия в программе вы отделаетесь лишь парой дней за работой с реквизитом. Завтра после уроков никто не уходит, — ставит точку на своем выступлении классная руководительница и берет учебник по литературе, — если найдутся умники, то я попрошу найти вам место в постановке.

— А в честь чего праздник? — снова проявляет инициативу Лабуков.

— В честь приезда нашей выпускницы, которая стала известной актрисой, Кирилл. Еще вопросы есть?

— Есть...

— Раз нет, давайте продолжим изучать творчество...

Олеся Викторовна не замечает того, как ворчит одноклассник с последней парты, и говорит по теме урока. Ребята перешептываются, высказывая свое возмущение, но оно спадает уже к концу занятия. Я частенько скашиваю взгляд на пустующий стул по соседству и задаюсь вопросом, куда пропал Антон. Тешу себя тем, что все хорошо, хотя близка к тому,

чтобы грызть ногти от волнения. Масла в огонь подливает Кирилл, когда на перемене подкрадывается ко мне со спины и закрывает глаза ладонями. Несмотря на мое сопротивление, одноклассник прижимает меня к себе, похабно двигая бедрами. Я с трудом отбиваюсь от него. Сердце громко стучит, пока одноклассники становятся в круг, ограждая меня от посторонних глаз. Даже Инна остается в стороне.

— Что-то с Тохой ты более сговорчивая была, Кирьянова, — смеется Лабуков, вгоняя меня в краску.

— Отойди, — стараюсь говорить спокойно, но горящие щеки и буйно работающее сердце выдают истинное состояние. Я подаюсь вперед, чтобы выбраться из круга, и Кирилл с усмешкой начинает меня щипать. Отскакиваю. Очередной щипок уже от другого одноклассника. Им смешно, а у меня колени подкашиваются. Знаю, что мы находимся на виду в коридоре гимназии, и плохо мне никто не сделает, только страх липкими лапками карабкается по органам. Ужасно неприятное ощущение, которое я когда-то испытывала, набирает обороты и расширяет свои границы.

— Да ладно тебе, Кирьянова, — продолжает Лабуков. Его очень забавляет сложившаяся ситуация. Я начинаю оглядываться на каждое касание. Мне не нравится, что они позволяют себе так со мной обращаться, и где-то глубоко внутри просыпается маленькая Лиза, которая громко плачет, но внешне я ничего не показываю и пытаюсь избежать столкновений с одноклассниками. Их смешки превращаются в искаженный гул, и мне хочется закрыть глаза руками. Вместо этого я крепче прижимаю к себе рюкзак и высоко поднимаю голову, не позволяя себе паниковать.

— Что, новенькая? Без Маршала тяжело?

— Поматросил и бросил?

— У-у-у...

Я не понимаю, кто это говорит, и успеваю заметить лишь темную фигуру справа. Судя по всему, Лабуков вновь сжимает меня со спины. Странно, что нет их негласной королевы — Кристины. Только ее подружки, чей противный смех я слышу, находясь на большом расстоянии.

— Что здесь происходит?! — от разъяренного вида Маршала и его грозного голоса у меня по спине ползут мурашки. Чувствую, как Кирилл напрягается, но свое гадкое занятие не бросает. Толкаю его локтями. Бесполезно. Вцепился в меня мертвой хваткой.

— Ничего, Тох, — усмехается Лабуков, — играем, как и ты.

— Отошел от нее, — Антон сбрасывает рюкзак и идет ко мне. Парни потихоньку отходят, но Кирилл тискает меня.

— Или что? Ударишь друга? Из-за нее?

— Кир, отойди. Повторять не буду, — еще пара шагов, и я чувствую аромат парфюма вместе с еле уловимым запахом сигарет. Почему-то эта смесь действует, как успокоительное. Я без отрыва смотрю на Антона и снова дергаюсь в руках Лабукова.

— А я посмотрю, что ты сделаешь ради нашей общей няши, — девчонки, стоящие неподалеку взвизгивают, потому что Маршал одним движением отталкивает меня в сторону, а вторым бьет Кирилла по лицу. Тот практически падает на пол, прикрывая нос ладонью. Матерится и улыбается, сплевывая кровь. Я стою, как вкопанная, глядя на схватку парней. Антон явно проворнее Кирилла и за несколько секунд укладывает того на лопатки. Бьет без перерыва, и меня накрывает паника.

— Растащите их! Почему вы стоите?! — обращаюсь к одноклассникам, но они лишь

скалятся.

— Ты виновата. Ты и растаскивай.

Очередной приступ идиотского смеха действует, как триггер. Роняю рюкзак на пол и подбегаю к Антону. Вот только он не слышит моих криков. Ребята вокруг встают плотным кольцом. Кто-то снимает на телефон происходящее, а я прихожу в настоящий ужас от увиденного. Маршал с такой жестокостью наносит удары, что я покрываюсь коркой страха, стоит ему прекратить и посмотреть на меня.

— Козел... — стонет на полу Лабуков, когда Антон поднимается и хватает меня за руку.

— Ты... Ты... — только и выдавливаю из себя, пока Маршал хватает наши рюкзаки по дороге. — Куда ты меня ведешь?

— Хочешь, чтобы они продолжили? — рычит, не поворачиваясь. Каждый шаг отдает вибрацией в теле. Я успеваю несколько раз обернуться, чтобы посмотреть, как там Лабуков, но ничего не вижу из-за одноклассников, которые столпились около него.

Антон сильно сжимает мою кисть и выводит на улицу, отталкивая к перилам у входа. Нависает и блокирует любые действия руками по обе стороны от меня.

— Что они сделали?

— Ты сам видел, — хочу отвести взгляд в сторону, потому что меня прошибает нервная дрожь от того, что я вижу в глазах Антона, но он стискивает пальцами мой подбородок и вынуждает установить с ним зрительный контакт.

— Прости, Лиз, — вдруг произносит, шумно выдыхая, — это из-за меня.

— Ты не в ответе за чужие поступки, — слова даются с трудом, но ведь не Антон надо мной издевался, а Кирилл. Причем с самого первого дня в гимназии.

— Лиз... — кривится Маршал, и как раз в этот момент из здания выходит разгневанная Олеся Викторовна.

— Маршал! — взвизгивает неестественно. — К директору!

— Ты сегодня очень задумчивая. В гимназии все хорошо? Тебя никто не обижает? — Жанна впивается в меня цепким взглядом, пока яковыряюсь в тарелке с едой. Аппетита нет, но желудок урчит, показывая запредельную шкалу голода.

— Нормально.

Если так можно назвать драку между Кириллом и Антоном. У меня от воспоминаний начинает кружиться голова, и хочется закрыться в комнате, чтобы никого не видеть и не слышать, но сердце навязчиво стучит от имени Антон. С ним мы так и не увиделись. Олеся Викторовна отвела Маршала к директору, а меня отправила домой, не спросив о том, что случилось в коридоре.

— Если ты хочешь уйти, то я займусь поиском школы. Только скажи, — напирает Жанна Павловна.

Вилка со звоном падает на тарелку. Я шумно втягиваю воздух через нос. Несколько слов матери, и меня сбивает с края в пропасть. Я не могу оставаться спокойной, находясь рядом с ней.

— Нет, так нет. Ешь, — тут же дает заднюю и указывает на полную тарелку. Сегодня она другая. Не знаю, в чем именно дело. Может, ее навязчивость и желание мне угодить немного стихли. Выглядит по-другому, словно съела пилюлю молодости.

— Спасибо, — скупобросаю, помыв за собой посуду, и ухожу к себе.

Некоторое время посвящаю урокам, но сконцентрироваться не могу. Из головы не выходят слова Маршала.

Прости, Лиз, это все из-за меня.

Что он хотел этим сказать? Да, он первым нанес удар, но спровоцировал не Антон, а Кирилл. Тогда почему винит себя? У меня мысли и ощущения путаются. Я вновь и вновь воспроизвожу в памяти драку одноклассников и ужасаюсь эмоциям Маршала. Жесткая хватка. Серьезное лицо. Да, он просто полыхал от гнева. Даже самый скупой на чувства человек смог бы испытать на себе всю гамму негативных эмоций Антона. В таком состоянии он пугал меня еще больше, чем Лабуков. Наверное, поэтому я не пишу ему, чтобы узнать, как все прошло с директором, а набираю сообщение Инне.

Лиза: Меня домой отправили. Чем все закончилось?

Инна: Лабуков и его дружки ушли. Маршал хорошо ему приложил...

Черт...

Инна: Не вздумай переживать ни за одного, ни за второго.

Лиза: Почему?

Инна: Помирятся, а ты виноватой останешься, хотя...

Лиза: Что???

Инна: Они с первого класса дружат. Даже странно, что подрались. Еще и так сильно...

Лиза: ...

Инна: Антон правильно поступил! Лабуков повел себя, как козел!

Лиза: Это я виновата...

Инна: Ты не виновата в том, что у Кирилла мозг в районе ширинки. Скоро восемнадцать стукнет, а ума так и не набрался. Детский сад...

Лиза: Ты Антона видела после драки?

Инна: Да. Не парься. Его в очередной раз папаша отмазал.

Лиза: В очередной раз?

Инна: Тоша у нас звездный мальчик;))). Но ты ведь и так это уже поняла.

Блин... Смотрю на то, как одноклассница печатает мне очередное сообщение, и кусаю губы в ожидании.

Инна: А вы встречаетесь?

Лиза: С чего ты взяла?

Инна: Сидите за одной партой. Время проводите вместе. И...

Лиза: И... Что?

Инна: Он за тебя лицо лучшему другу набил. В классе все обсуждают вашу парочку.

Лиза: Но мы не парочка!

Инна: Уверена?

Лиза: Да.

Инна: Тогда почему он постит ваши совместные фотки?

Что? Руки начинают дрожать, а буквы расплываются. Инна скидывает мне ссылку на пост, который недавно выложил Антон, и я глохну от работы собственного сердца, переходя на нужную страницу. На фото мы с ним. Разноцветные лица. Счастливые глаза.

Не может быть...

Листаю ниже, чтобы увидеть, как он подписал снимок, но там чарующая пустота. Просто три точки. И все!

Лиза: Он просто помог мне.

Инна: Посмотри на его страничку внимательно, Лиза. Ничего не замечаешь?!

Лиза: ...

Инна: Ни одной фотки с девчонкой, кроме последней;)

Лиза: Это ничего не значит.

Инна: Да. Конечно. Как скажешь;)

Я замираю с телефоном в руке. Нет, мне нравится проводить время с Антоном, но я не готова стать парочкой, как выразилась Инна. Или... Я снимаю блокировку с экрана и внимательно смотрю на снимок. Не верю собственным глазам. Зачем он выложил фотографию? Я ему нравлюсь? Почему у меня не спросил, хочу ли я постить совместные селфи? У меня столько вопросов в голове крутится, что мозг перестает воспринимать информацию, касающуюся учебы. С таким успехом можно забыть о хороших оценках за тесты и экзамены.

Из груди вырывается тяжелый вздох, и я откидываю в сторону телефон вместе с учебником. Как раз в это время раздается звонок в дверь. Оглушающая трель пролетает по квартире, несмотря на то, что я закрылась у себя в комнате.

— Лиза, открой, пожалуйста! Я вся в краске! — кричит Жанна Павловна из гостиной, и мне приходится выйти из своего укрытия. Я смотрю в глазок прежде, чем открыть дверь. На пороге стоит молодой человек в форме курьера. В его руках огромный букет роз. Нежно розовые бутоны источают невероятно приятный аромат даже на расстоянии. Я открываю рот и часто моргаю, не понимая, почему он появился к нам.

— Вы, наверное, ошиблись... — начинаю, но парень не обращает внимания на мои слова, впихивая букет мне в руке. Сам же достает планшет и что-то сверяет.

— Жанна Кирьянова здесь живет? — смотрит на меня в упор. Киваю. — Тогда не

ошибся. Нужно расписаться, — протягивает мне планшетку с бумагой и ручку.

— Жанна? Тут к тебе пришли! — голос кажется чужим, когда зову мать. Та выходит в коридор, что-то ворча под нос. Выглядит смешно. В краске на лице и одежде. Я мнусь с ноги на ногу, пока мама расписывается, и протягиваю ей букет, как только дверь за курьером закрывается. Она хмурится, рассматривая красивые цветы, а я замечаю записку среди огромных бутонов.

— Что там? Посмотри, — спокойно произносит она, а мое сердце от чего-то принимается плясать на углях.

Спасибо за ужин!

Виктор

У меня кровь в жилах холодеет, стоит глазам пробежаться по словам. Зрение резко идет на спад, а давление наоборот резко подскакивает вверх.

— Что там? — Жанна Павловна пытается заглянуть в записку, и я аккуратно кладу ее на лепестки, чтобы она смогла прочитать. — О-о-о...

— Я к себе, — сглатываю горечь во рту, — красивые цветы, — ухожу к себе в комнату, не показывая, насколько сильно меня трясет.

Я не знаю, где пропадает Антон следующие несколько дней, и переживаю, конечно. В классе отсутствует не только он, но и Лабуков с Кристиной. Для меня неявка на занятия всегда плохо заканчивалась, а для гимназистов такое отношение является нормой. Даже Инна об этом говорит на переменах. Она, кстати, проявляет ко мне интерес и не оставляет одну ни на секунду, будто кто-то приставил ее к моей персоне охранником. Одноклассники на меня косо поглядывают, и я четко ощущаю их неприязнь. Драка парней лишь накалила и без того напряженную обстановку. И впервые меня это удручает. Может, тому виной мамин поклонник, который каждый день присылает ей цветы... Ведь я не перестаю думать об этом... Наверное, нормально, что Жанна живет полноценно, но факт развития ее личной жизни, почему-то меня знатно коробит.

— С тобой все в порядке? — Инна подходит ко мне в коридоре, пока мы ждем учителя по химии. — Мрачная с самого утра.

— В порядке, — жму плечами и смотрю в окно на ворота, ведущие в гимназию. Душевное состояние хуже некуда, но я же не могу сказать об этом Ростовой. Мои переживания — личная и никому не нужная информация.

— Я бы тоже свалила с уроков, но родители потом за хвост подвешат, — Инна печально улыбается, когда я отворачиваюсь от окна и складываю руки на груди, переключая внимание на нее. В коридоре шумно. Мимо то и дело проходят гимназисты. Жизнь кипит, а у меня все на паузе из-за неизвестности и собственной нерешительности. От желания написать Маршалу руки чешутся, но я не позволяю себе даже в переписку с ним заглянуть. Страшно, что он не ответит, или ответит не так, как мне бы хотелось. Бред, короче...

— Сильно контролируют тебя?

— Ты же сама видела, — отмахивается, — приезжает раньше, чтобы я никуда не свернула по пути. В кафе посидеть можно только, если десять раз спросить разрешения.

— О-о-о... Это ужасно...

— Мама все переписки проверяет, поэтому я чищу мессенджер постоянно. Только написала и сразу удаляю. У нее какой-то пунктик на общении у молодежи, — Ростова шумно выдыхает, — а как у тебя родители отнеслись к тому, что ты так поздно с Антоном тусила?

— Э-э-э... Нормально. Мама у меня художница, — отвожу взгляд в сторону, потому что не хочу говорить правду, — адекватно реагирует на новшества.

— А папа?

— Он умер.

— Извини...

— Все нормально, — пожимаю плечами и постукиваю ногой по полу, нервничая от того, какую тему мы подняли. Я еще ни с кем не обсуждала смерть папы. Даже с Женей. Разговоры всегда плавно перетекали в другое русло, и сейчас я испытываю странное волнение. Не хочу, чтобы Инна начала задавать вопросы о смерти папы.

— Завидую Маршалу, — вздыхает Инна, глядя перед собой, — его родители во всем покрывают. Отец точно. На пропуски не обращают внимания. Кристина вообще на море умотала с сестрой.

— В смысле на море?

— Сейчас, — Ростова достает телефон и показывает мне фотографии Крис с отдыха, —

вот так. Потом вернется и наплюет на тестирование. Я так не умею наверстывать, — Инна крутит пальцем у виска, — мозги не под то заточены.

Улыбаюсь тому, как одноклассница кривится, и шагаю к кабинету под звонок. В кармане брюк вибрирует телефон.

— Я сейчас, — машу Инне рукой и читаю сообщение.

Маршал: Спустись ко мне.

К СМС прилагается фото. Двор гимназии. У меня во рту резко пересыхает, и я оглядываюсь по сторонам, словно кто-то мог подсмотреть в содержимое сообщения. Такое ощущение, что счет идет на секунды, и от моего решения зависит чья-то жизнь.

Маршал: Ты мне нужна, Лиз. Спустись.

Несколько слов, а мое сердце болезненно сжимается. Ноги сами несут меня к выходу, и страх быть замеченной вынуждает постоянно оглядываться. В итоге во двор я вылетаю, часто дыша. Дую вверх, чтобы убрать невесомую прядь волос, и рассматриваю двор со всех сторон. Антона нигде нет. Я шагаю вперед, прижимая к себе рюкзак, словно шапку-невидимку. Работа сердца оглушает, особенно когда возле ворот меня нагло хватают за талию и утаскивают с территории гимназии.

— Привет! — радостно шепчет на ухо Антон, прижимая меня к себе спиной. — Снова краду тебя, Милые ушки.

— Куда и зачем?

— Еще не придумал, но есть идеи, — Маршал ловко перемещается и сплетает наши пальцы, — ты не против вкусного чая или...

— Какао, — улыбаюсь под оглушающий стук мотора за ребрами, а Антон кивает. Только сейчас замечаю, что на нем не форма, а спортивный костюм. Капюшон закрывает чуть ли не половину лица.

— Конспирация, — читает мысли одноклассник. Приходится увести взгляд под ноги, чтобы хоть как-то замаскировать свой интерес к нему. Если честно, то я бы его часами разглядывала. От такого открытия по телу пробегает дрожь, и я кусаю нижнюю губу, маскируя ощущения, которыми меня накрывает.

— А где ты был?

— Хм, — Маршал не спешит отвечать, ограничиваясь странным мычанием, — скучала?

Теперь наступает моя очередь прикрыть рот на замок. Мы проходим по тротуару на другую сторону, и мне становится легче от того, что гимназия остается позади. Антон ведет меня дальше, забирает рюкзак и перекидывает себе за плечо. Я хочу спросить его про пост и отсутствие на занятиях, но почему-то оставляю слова при себе, позволяя увести себя на набережную. Там Маршал покупает нам по стаканчику какао и становится очень серьезным, как в тот момент, когда разгромил комнату в своей квартире.

— Мама в больнице, — Антон прищуривается и смотрит вдаль, — я был с ней.

— Что-то серьезное?

— И да, и нет, — странно усмехается, — она подавлена из-за развода с отцом, а он...

— Что?

— Он другую себе нашел, — Маршал делает глоток горячего напитка и пронзает меня взглядом, — на мать ему плевать. Давно...

— Мне жаль, — хочу прижаться к однокласснику, но сдерживаю этот порыв. Не знаю, уместно ли сейчас проявлять свои чувства, когда у него в жизни все на куски разлетается.

— Я не знаю, как матери помочь. Она с ума сходит из-за его измены, — Антон криво

улыбается, — в буквальном смысле.

— А ты как?

— Хочешь узнать, не двинулся ли я умом?

— Нет! Я про твоё отношение к их... разводу... И новой женщине отца...

— Я... — Маршал глубоко вдыхает, откидывая голову назад, смотрит на небо и облизывает губы. — Я его ненавижу. И её ненавижу. Пока моя мать поддерживала отца во всем, та... женщина ложилась под него. Извини, — Антон ставит стаканчик с какао на бордюр и начинает ходить туда-сюда, — я не могу адекватно реагировать на его предательство. Для меня это перебор.

Я смотрю на его метания и чувствую жгучую потребность поделиться деталями своей жизни. Не знаю, почему, но ему я доверяю больше, чем всем остальным.

— Мой отец умер, когда мне было двенадцать. Сейчас у мамы появился поклонник. Он присылает ей цветы каждый день. Знаю, что глупо, но я бешусь от этого. Мне не нравится, что она счастлива, — произношу и чувствую, что грудную клетку заливают чем-то ядовитым.

— Ты с ним знакома?

— Нет. Жанна бы не решилась меня с ним познакомить.

— Почему?

— У нас с ней сложные отношения, — истерично усмехаюсь и верчу головой, пытаюсь избавиться от дрожи в теле. Не получается. — Прости.

— За что?

— У тебя свои проблемы, а тут я со своим глупостями, — пью какао, чтобы не смотреть на Антона. Сердце лихачит, пока одноклассник приближается.

— Это не глупости, Лиза, — притягивает меня к себе, — а твоя жизнь. И мне приятно, что ты решила поговорить со мной об этом.

После прогулки с Антоном я хожу окрыленная. Хотя тема разговора у нас была не самая приятная, но я чувствую облегчение, словно сбросила с души груз в сотню килограмм. Пусть там осталось ровно столько же, если не больше, но поддержка Маршала не дает впадать в то состояние, в котором я пребываю, когда остаюсь наедине с Жанной. Я злюсь, ловлю тоску зеленую и хочу орать во всю мощь легких, чтобы избавиться от ее общества. Теперь я быстрее сбегая в гимназию. В стенах учебного заведения проще ладить с собой, чем в квартире, где каждый сантиметр пропитан Жанной Павловной. После уроков мы занимаемся подготовкой актового зала к театральному вечеру, который состоится через две недели. Ничего сверхъестественного не делаем. Работаем с реквизитом и украшаем помещение. Антон не отходит от меня после того происшествия с Лабуковым.

Кирилл сторонится его, но стоит Маршалу отвернуться, как одноклассник прищуривается и не сводит с меня глаз, словно пытается что-то сказать. Парни из класса разделились на две группы. Одни хвостом ходят за Антоном, а другие, меньшая часть, за Кириллом. Я чувствую себя виноватой в том, что Маршал растерял своих друзей. Да, со мной они вел себя некрасиво, но ведь с ним дружили на протяжении одиннадцати лет. Наверное, переживала по этому поводу лишь я, так как Антон равнодушно пожимал плечами, когда я говорила про одноклассников. Сегодня мы должны были закончить с оформлением зала, и Олеся Викторовна предложила нам задержаться, чтобы не растягивать процесс на несколько дней. Инна тяжело вздыхает, проходя мимо меня. Почему-то не решается подходить ко мне, когда рядом Маршал. Вообще создается впечатление, словно он ограждает меня от общения с остальными одноклассниками. Не то чтобы желающих было много, но все-таки...

К моему сожалению, сегодня на уроки является Кристина. Она одаривает меня злобными взглядами при удобном случае. Вместе с подружками они что-то бурно обсуждают, когда Антон обнимает меня.

— Парочка Твикс, сходите в подсобку, — обращается к нам классная, — принесите коробки с реквизитом. Там немного. Справитесь.

Я вспыхиваю, как спичка, от слов Олеси Викторовны, а Маршал улыбается, берет меня за руку и выводит из актового зала. Кристина провожает нас взглядом. Инна в растерянности смотрит то на нас, то на Крис. Меня, конечно, агрессия одноклассницы не должна волновать, но почему-то становится неприятно. Кристина ведет себя так, будто я у нее парня увела, и, что еще страннее, я ощущаю прилив вины за то, чего не делала.

— Сюда, Милые ушки, — Маршал ведет меня к двери неподалеку от актового зала, — прошу, — открывает ее и галантно указывает рукой внутрь.

Включает свет и заходит следом за мной. Помещение слишком маленькое, и я сразу чувствую, как стены начинают давить. Хорошее освещение помогает справиться с надвигающимся приступом паники. Я даже выдавливаю из себя улыбку, когда Маршал подходит ближе и указывает на коробки, стоящие около стены. Комната загружена разным хламом, который я усердно рассматриваю, пока не слышу хлопок двери. Сердце тут же делает кувырок и начинает громко стучать, заглушая голос Антона, который срывается с места к двери, дергает ручку, толкает дверное полотно плечом и стучит по нему ладонью, явно бросаясь ругательствами.

Работа внутренних органов перекрывает все звуки вокруг меня. Я чувствую, что паника

яркими искрами поднимается снизу-вверх, и сжимаю себя руками, чтобы загасить эти гадкие ощущения, но ничего не получается. Свет внезапно гаснет, и мои демоны вырываются наружу с диким воплем. Не понимаю, я издаю такие животные стоны, или мне мерещится ужасающий гул. Зажмуриваюсь и опускаюсь на пол, вертя головой из стороны в сторону.

— *Я спасаю тебя, Лизонька! Я нас спасаю!*

— *Мама... Мама, не надо.... Открой дверь... Мамочка... Я прошу тебя...*

— *Мамочка, не надо... Мама, пожалуйста, выпусти меня.... Мама!*

Закрываю уши руками, дрожа от страха, который пробирается прямым в душу, не спрашивая моего разрешения. Я задыхаюсь от тяжести, окутывающей грудную клетку, и содрогаюсь всем телом. Словно через вакуум, слышу голос Антона. Но слова матери громче... Гораздо громче... Разрывают окружающее пространство мегагерцами.

— *Я спасаю тебя, Лизонька! Я нас спасаю!*

— *Мама... Мама, не надо.... Открой дверь... Мамочка... Я прошу тебя...*

— *Мамочка, не надо... Мама, пожалуйста, выпусти меня.... Мама!*

В эти минуты кажется, что я медленно и мучительно умираю. Дрожь не стихает даже в тот миг, когда его погружают в чарующее тепло. Я не сразу понимаю, что Антон прижал меня к себе и пытался убрать мои руки от ушей.

— Лиза... Лиз?! Слышишь меня? — еле улавливаю его голос, когда тот отрывает мои кисти от головы и зажимает их, уводя за спину. — Черт! Лиз...

Слезы сами прорываются наружу. Я верчу головой и пытаюсь отстраниться от Маршала.

— *Я спасаю тебя, Лизонька! Я нас спасаю!*

— *Мама... Мама, не надо.... Открой дверь... Мамочка... Я прошу тебя...*

— *Мамочка, не надо... Мама, пожалуйста, выпусти меня.... Мама!*

Зубы клацают друг о друга, и я утыкаюсь носом в плечо Антона, стараясь справиться с отголосками прошлого, но не могу... Ее голос звучит везде... Прорывается сквозь настоящее, цепляется когтями в мягкие ткани и уносит обратно в темноту, из которой я не могу выбраться...

— Тише, Лиз, — чувствую, как каменеет тело Антона, хотя голос ровный, — я с тобой. Ты не одна. Слышишь? Здесь только ты и я.

Стук сердца замедляется, пока стальные объятия Маршала становятся нежными и безопасными. Он отпускает мои руки, и я тут же цепляюсь за его плечи, словно он может исчезнуть.

— Тише, успокойся. Все нормально. Просто кто-то неудачно пошутил. Слышишь?

Киваю. Тело до сих пор пробивает крупной дрожью. Сердечный ритм выравнивается, но все еще превышает норму. Я шумно сглатываю и пытаюсь выровнять дыхание. Настолько сильно жмусь к Антону, что все мышцы сводит. Но он не отталкивает меня, наоборот, позволяет лить слезы на плече и водит руками по спине и волосам. Не знаю, сколько времени мы стоим на коленях. Я не перестаю жмуриться. В ушах, будто хлопущие взрываются, потому что я блокирую голос Жанны. ЕЁ ЗДЕСЬ НЕТ! Только я и Антон. Я не одна. Боже...

— Успокоилась? — шепчет на ухо Маршал, а я отрицательно качаю головой. Стук зубов тому подтверждение. — Только выйдем отсюда, и я порву того, кто посмел закрыть дверь, — рычит и сжимает меня в объятиях сильнее.

Мне стыдно... Я буквально сгораю от ядовитого чувства неловкости, которую испытываю после своего приступа паники в подсобке, и пристальный взгляд Антона не помогает, а скорее усиливает колющие ощущения. Я сплетаю пальцы и стараюсь держать спину ровно, чтобы не быть полноценной размазней. Слабости и страхи уже вырвались наружу. Маршал увидел и испытал их в полном объеме, и я жалею об этом. Паника — не та тема, о которой нужно рассказывать. Я скрываю проблемы, потому что никто не сможет мне помочь. Нельзя стереть прошлое, словно его не было. Было!

— Лиз, — Маршал прищуривается, слегка подаваясь вперед, — то, что с тобой случилось... Расскажи мне, пожалуйста.

Из груди вырывается тяжелый вздох. Я смотрю по сторонам, игнорируя внутреннюю дрожь, которая потихоньку захватывает каждую клеточку организма. В голове загорается красная лампочка, как знак предупреждения об опасности. Нельзя пускать себе в душу других людей. Нельзя доверять. Даже Жанна, родная мать, переступила черту. Все это мысленно повторяю, но в глазах Антона плещется нешуточное беспокойство, и я медленно выпускаю воздух из легких, набираясь смелости озвучить свою тайну, которую не рассказывала даже Жене.

— Мне было двенадцать, когда папа умер. Он находился в командировке в другом городе, расширял свой бизнес и на обратном пути попал в аварию. Уснул за рулем. Его долго оперировали и не смогли спасти, — шумно выдыхаю и часто моргаю, поднимая голову вверх, чтобы не расплакаться. Говоря о прошлом, я снова погружаюсь в тот день. В груди тут же разрастается огромная дыра, открывая кровоточащую рану. Маршал не подгоняет меня. Молчит. Я слышу, как звенит посуда в кафе, переговариваются его посетители, и громяют входные двери. Мы расположились за столиком около окна поодаль от парадного входа. Соседние столики стоят далеко, и не нужно бояться, что наш разговор кто-то услышит.

— Мама так ревела... — поднимаю руки на столешницу и впираюсь в нее пальцами, чтобы продолжить свой рассказ, но сердце так лихо бьется внутри, что слова даются с трудом. Я теряю контроль над процессом вентиляции легких и учащенно хватаю ртом необходимый для жизни кислород.

— Все нормально, — Антон накрывает мои пальцы своим горячими и поглаживает так нежно, словно я самое драгоценное, что он когда-либо встречал. — Это прошло, Лиз, — прикусываю нижнюю губу до боли и отчаянно качаю головой.

— Ты не понимаешь, Антон, — истерично улыбаюсь, прокручивая в памяти те дни, — она с ума сходила. Так сильно плакала, что... Это было невыносимо... Я не знала, чем ей помочь, а потом... Я проснулась ночью от того, что Жанна нависала надо мной. В темноте, понимаешь?! У нее были безумные глаза. Она твердила, что спасает меня, и затолкала в кладовку. Я кричала, звала ее, а внутри было темно и страшно. Я там больше суток просидела, пока меня не нашли. Ты не представляешь, как сильно я теперь боюсь темноты и маленьких помещений. Я... Я... Я всюду слышу ее. Я такого страха никогда не испытывала, а сегодня все опять повторилось.

Маршал сжимает мои кисти пальцами. На его лице ни одной эмоции, но в глазах целый ураган проносится. Я чувствую, что он меня понимает, и хочу поделиться всей правдой, с которой живу почти шесть лет.

— Огромная лужа крови в гостиной... Она до сих пор стоит у меня перед глазами, Антон. Я думала, что на нас напали, а потом... Тётя Лена сказала, что мама хотела покончить с собой, и ее на время уперли в психушку. Мол, Жанна неадекватная совсем. Я переживала за нее и ждала, но мама так и не пришла за мной. Тётя Лена постоянно твердила, что Жанна бросила меня, а я не верила ей, пока друг отца, Степан Андреевич, не оповестил о том, что мама уехала из города. Она со мной даже не попрощалась... А месяц назад явилась и забрала меня сюда... Думает, что сможет своей показной любовью скрасить годы своего отсутствия... Я не знаю, как относиться к тому, что она снова в моей жизни и может с кем-то встречаться... Нет, она может, конечно, но... Я не хочу делать вид, что все хорошо, и у нас счастливая семья, потому что это совсем не так. Жанна меня не знает, не спрашивает, как я жила, пока ее не было, а... Она, будто роль играет. Всегда любезная и любящая. Меня тошнит от ее заботы и проявления чувств.

Складываю руки на груди и увожу взгляд на окно. Не вижу ничего, кроме туманной дымки, которая застилает глаза. Не знаю, что думает обо всем мною сказанном Маршал, но мне тошно от быстрой исповеди. Сердце клокочет, словно через него навывлет пролетела пуля. Я начинаю жалеть о произнесенных словах, только их уже не вернешь, да и все, что я, как скоростной поезд, вывалила на Антона, правда. Я ТАК чувствую. У меня в груди свербит от обиды и боли, а еще страха, что та ситуация повторится. Я, конечно, уже старше и могу постоять за себя, но от одной мысли о маминых закидонах внутренности сжимаются до микроскопических размеров, и в голове гудит.

— Ты как? — вдруг спрашивает Антон. Я же замираю с открытым ртом, потому что ожидала всякого, но не таких вопросов.

— Мне стыдно, — решаюсь вновь посмотреть на него. Маршал хмурится, изучая мое лицо, на котором наверняка выражены все краски эмоций.

— Почему? Разве ты сделала что-то плохое?

— Нет. Наверное... За нее стыдно. За ситуацию. За то, что ты увидел.

— Перестань, Лиза, — Антон кривится и качает головой, — ты видела, что я сотворил и не приняла за психа, хотя мой отец именно так меня называет, когда я... Ну... Теряю контроль над собой. Но одно могу сказать точно, — одноклассник шумно сглатывает, — я бы твою мать на куски разорвал за то, что она с тобой сделала.

Не нахожу ответа на его реплику и выдавливаю из себя скупую улыбку. Плечи опускаются, ведь напряжение, в котором я пребывала постепенно спадает. Я еще некоторое время смотрю на Антона и понимаю, что он не считает меня больной или неадекватной. Коннект взаимный, и от осознания этого факта по грудной клетке разливается живительное тепло. Теперь мне совсем не хочется возвращаться в квартиру к Жанне, которая оборвала телефон своим навязчивыми звонками. Я отключаю звук и провожу с Антоном еще около двух часов, после чего мы покидаем уютное кафе и едем на автобусе до дома. Там нам приходится разойтись в разные стороны, хотя очень не хочется. С Антоном мне спокойнее. Я будто на своем месте, когда он рядом. В полном душевном раздрае вхожу в квартиру и тихо прикрываю за собой дверь.

— Лиза, где ты была?! Почему на звонки не отвечала?! — Жанна вылетает в коридор внезапно, словно поджидала меня за углом. Я даже вздрагиваю от ее столь эффектно пугающего появления.

— Прогулялась после уроков.

— Прогулялась? — Жанна поджимает губы и качает головой, пока я разубаюсь. — Лиза,

так больше не может продолжаться.

— Что не может продолжаться?

— Мы должны поговорить.

— О чем?

— О том, как жить дальше. Я больше так не могу...

— Я изо всех сил стараюсь изменить нашу жизнь к лучшему, начать с чистого листа и не валяться в прошлом, как в грязи, но ты даже мизерного шанса мне не оставляешь, — на эмоционально высоких нотах произносит Жанна. Она некоторое время смотрит мне в глаза и чего-то ждет. Вижу по нервным движениям, что мама пребывает в ожидании, теребит край кофты пальцами и качает головой, не получив от меня никакой реакции.

Я не равнодушна, но сейчас после того, что произошло в гимназии, не могу адекватно разговаривать с ней. Мне хочется кричать и обвинять ее во всем, потому что ОНА действительно виновата. Именно Жанна стала источником моих страхов и той жуткой паники, которая охватывает все тело, стоит мне оказаться в темном помещении. Даже в этот момент сердце усерднее перекачивает кровь и пускает жар по организму, словно я нахожусь в тесном пространстве, не имеющем выхода. Замкнутый круг сжимается сильнее, и я увожу взгляд в пол, чтобы не наблюдать за муками Жанны Павловны. Показные они или настоящие не важно. Я не хочу принимать ее страдания близко к сердцу. Это все пустое. Иначе она бы не потерялась на несколько лет.

— Тебе не нравится гимназия, я, квартира... Как тебе угодить? Лиза?

Она отходит от меня, поворачиваясь спиной, и скрещивает руки на груди. Напряжение между нами усиливается слишком быстро. Мне даже дышать становится трудно от обиды, которая поднимает с глубин души.

— Ты не спрашивала меня, хочу ли я переезжать и жить с тобой. Ты поступила так, как ТЫ хотела. Чего тогда ждешь от меня?

Жанна резко поворачивается ко мне и поджимает дрожащие губы. В полумраке коридора выглядит жутко, особенно ее глаза. Взгляд безумно напоминает тот... из прошлого...

— Ты думаешь, я жила в раю все это время? — мама прищуривается. — Нет, Лиза. Я не жила в раю. Я постоянно думала о тебе и поэтому не приезжала. Ради твоего же блага.

— И что изменилось?

— Все. Я забрала тебя, когда смогла.

— Это всего лишь оправдание, — я делаю шаг к своей комнате, но Жанна перекрывает мне путь. — Я не понимаю, зачем тебе это.

— Что ЭТО?

— Я. Ты прекрасно жила одна. Картины рисовала, а у меня был свой дом, друзья и...

— Лиза, ты не знаешь, о чем говоришь.

— Так объясни мне! Объясни, как можно было уехать и даже не попрощаться со мной?! Ты ни разу не вспомнила про меня! Ни одного звонка не сделала! НИ ОДНОГО! Явилась через пять лет и ждешь от меня любви! Ты серьезно?! Ты не знаешь, что я пережила, пока жила с Хромскими! Хочешь послушать? Слушай! Дядя Серёжа каждые выходные напивался и устраивал разнос. Тётя Лена заботилась лишь о Вадиме, который то курил, то пил, то в ментовку попадал из-за драк. Я была сама по себе, ясно?! Я работала, чтобы накопить на курсы, о которых мечтала! Без тебя! Одна!

Жанна смотрит на меня, не моргая, и ничего не говорит, словно лишилась дара речи. А я дышу так часто и громко, что ничего не слышу. Если бы она пыталась что-то донести до меня, то все слова пролетели бы мимо ушей.

— Лиза, я... — она прикрывает рот ладонью. — Я...

— Что? Не знала? Так для этого нужно было хотя бы раз позвонить! Хотя раз приехать ко мне! Но ты этого не сделала!

— Я не могла, Лиза...

— Конечно. Я и не сомневаюсь. Снова таинственные причины, из-за которых я осталась одна.

Мама качает головой, но не пытается объяснить мне, почему отсутствовала несколько лет. Просто смотрит на меня, будто я исчадие ада, и ждет. Чего?!

— Я могу попасть в комнату, или так и будешь держать меня у порога?

— Лиза, мы должны прийти к единому знаменателю...

— Каким образом? Может, ты мне прежнюю жизнь вернешь? Потому что с тобой я не могу находиться рядом...

— Почему?

— Я тебя боюсь. Я не знаю, что ты сделаешь через минуту или день. Сейчас ты любезна, а потом среди ночи снова запрешь меня в кладовке и исчезнешь.

— Такого не произойдет.

— У меня нет такой уверенности. Мне проще было с тётёй Леной и дядей Серёжей. Там я знала, чего ожидать, а ты, как коробка с неприятными сюрпризами.

Резко выдыхаю, закончив свою речь, и с ужасом осознаю, что высказала Жанне Павловне все свои претензии. Пусть и в кратком содержании. Она отшатывается от меня, смотрит поверх плеча и с потерянным взглядом уходит на кухню. Первое, что я чувствую, желание пойти за ней. Совершенной нелепый и неуместный порыв, сопровождающийся жгучим ощущением вины перед ней за свои слова. Я сжимаю кулаки и кусаю губы до боли, борясь с собственной совестью. Выжидаю несколько минут и ухожу в комнату. Сделав пару шагов, опускаюсь на пол, и вытираю тыльной стороной ладони слезы, которые скупно катятся по щекам. Не издаю при этом никаких звуков. Грудную клетку сдавливают тисками. Мне неприятно от себя. Жжет за ребрами из-за того, что сорвалась. Но гордость не позволяет подняться и пойти к Жанне, поэтому я сижу и рассматриваю свои пальцы. Почему я должна делать первый шаг?! Я сказала ей правду. Всю правду. И пусть дядя Серёжа выпивал, как черт, но он не причинял мне вреда. Вообще не замечал, что я живу у них. Да, им и некогда было. Вадим «требовал внимания».

— Лиза, — Жанна тихо открывает дверь и ступает вперед, — я тебе перекусить принесла.

Пока она движется к столу, оставляя на нем поднос, я сижу с ровной спиной и наблюдаю за ее действиями.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива, — начинает, совмещая пальцы рук, — и если ты захочешь вернуться к Лене, то я отвезу тебя.

Кажется, что в это мгновение у меня резко отключается функция дыхания. Я настолько удивлена словам Жанны, что не нахожу достойного ответа. Просто смотрю на нее во все глаза и не знаю, как реагировать.

— Только, — шумно вздыхает, — у меня к тебе есть маленькая просьба.

— Какая?

— На днях состоится моя выставка в галерее, про которую я тебе рассказывала. Я бы очень хотела, чтобы ты присутствовала. А потом, если ты не передумаешь, то я отвезу тебя к Лене.

Женя: Если она сдержит свое слово, то я просто умру от счастья! Ты не представляешь, как я по тебе соскучилась!;)

Лиза: Не думаю, что Жанна сказала всерьез.

Женя: Я не принимаю другого ответа! Возвращайся скорее!

Я смотрю на экран телефона и с особым усердием кусаю губы. После разговора с Жанной все изменилось. Она больше не пытается играть роль примерной мамочки. Нет сладкой улыбочки по утрам во время завтрака. В гимназию приезжает лишь после того, как спросит, хочу ли я, чтобы она меня забрала, и практически не смотрит в мою сторону, держа спину неестественно ровной. Я должна радоваться, что смогу вернуться к привычной жизни, но почему-то испытываю только горькое чувство вины. Я собираюсь с духом, чтобы рассказать Антону прекрасную новость, и молчу, стоит нам оказаться наедине. В горле разрастается огромный ком, и я даже слова выдавить не могу. Мне хочется вернуться в старую школу и в то же время желание остаться сковывает конечности, словно путы. Создается впечатление, что меня выставили на перекрестке и не сказали, куда нужно двигаться, чтобы прийти к цели. Сердце разрывается от того, что мне придется сделать выбор, а я не хочу прощаться с Антоном...

— Кристины опять нет. Маршала тоже, — Инна кутается в куртку и шагает рядом, бросая на меня странные взгляды, — что-то случилось, да? Она опять что-то сделала?

— Не знаю.

— Вы пропали с Антоном тогда. Олеся Викторовна вас нашла? Ты ничего не говоришь, потому что мне не доверяешь?

— Воу, сколько вопросов! — немного нервно усмехаюсь, убирая руки в карманы куртки. Сегодня ужасная погода. Холодный ветер пробирает до костей, хотя я упакована с ног до головы в теплую одежду.

— Значит, не доверяешь все-таки... — грустно улыбается Ростова, а меня в очередной раз затапливает чувством вины.

— Нет. Нас кто-то запер в подсобке, а Олеся Викторовна открыла дверь и отпустила нас домой. Вот так, — развожу руки в стороны, пытаюсь не дрожать от воспоминаний.

— Наверняка Кристина приложила к этому руку, — Инна останавливается около ворот и поглядывает на машину отца, словно не хочет к нему идти. — Слушай, может сходим куда-нибудь? Нет желания тусить с предками целый день... — Ростова с мольбой смотрит мне в глаза, и я киваю. — Сейчас. Придется хорошо попросить. Никуда не уходи.

Одноклассница отходит к автомобилю. Со стороны водителя опускается стекло, и в меня тут же впивается изучающий взгляд ее отца. Становится немного не по себе, и я начинаю разглядывать деревья поблизости. Плавно перехожу на ворота и застываю на эмблеме гимназии. В грудной клетке тут же становится тесно всем органам. Кажется, что они раздуваются до невероятных объемов, и процесс дыхания становится невозможным. Я еще не приняла решения по поводу возвращения в родной город, но кажется, что уже прощаюсь с этим. Состояние ухудшается тем, что Маршал вновь молчит, и я испытываю страх. Вдруг он больше мне не напишет? Может я зря рассказала ему о Жанне и ее заскоках? Но и врать я не могла... Он видел, как плохо мне было в подсобке, и поддержал. И что Антон скажет, когда я сообщу о своем решении уехать отсюда?

— Чудо! — Инна хватает меня под руку и ведет вперед по обочине. — Мне не пришлось долго его упрашивать. Куда пойдём? Я знаю блинную. Там просто фантастические блинчики, а чай... М-м-м, пойдём?

Киваю, и Ростова издаёт клич радости, из-за которого на нас начинают странно смотреть прохожие. Мы едем до нужного места на маршрутке, а потом еще несколько минут на автобусе, и оказываемся на другом конце города. Я с нескрываемым любопытством кручу головой, запоминая наш маршрут. Сегодня Жанна занята подготовкой к выставке и не контролирует каждый мой шаг. Скупое сообщает, что не сможет забрать с гимназии. На этом наше общение обрывается. Я вроде испытываю легкость и в то же время внутри скребет от того, что она занята своей жизнью.

— Я люблю с клубникой и белым шоколадом, а еще с ветчиной и сыром, — Инна облизывает губы и шумно сглатывает. — В общем, ты поняла, что я проголодалась, — она заразно смеется и не замолкает ни на секунду, пока мы движемся к блинной.

Маленькое помещение, в котором мы оказываемся, наполнено вкусными ароматами, и я невольно чувствую голод. Инна вызывается сделать мне сюрприз с начинкой для блинчика и идет к прилавку, а я отхожу к окну и смотрю на прохожих. Обычно я успокаиваюсь, глядя на суетящихся вокруг людей, но сейчас внутри меня расплывается такой же хаос, как за пределами заведения. Я не знаю, как избавиться от чувства неопределенности. Удивительно, когда Жанна не оставила мне выбора, я хотела уехать. Только стоило ей отступить, и я засомневалась в том, чего действительно хочу. Я кусаю губы и практически отворачиваюсь от окна, замечая знакомую фигуру вдалеке.

Антон.

По лицу растягивается улыбка. Я наблюдаю за тем, как он шагает по противоположной стороне дороги с серьезным выражением лица. Уже достаю телефон, чтобы написать ему сообщение, но замираю. За Маршалом бежит Кристина. Ему приходится остановиться. Одноклассница стоит близко к Антону и трогает его руками. Сначала по плечам, а потом ее пальцы крадутся выше к его лицу. Первый раз он стряхивает их себя, но дальше и не пытается. У меня каждый орган внутри покрывается ледяной коркой, пока они мило беседуют.

— Ты будешь в восторге от того, что я тебе купила, — она протягивает мне стаканчик с чаем, который я заторможено принимаю. — Лиз? — Ростова следит за моим взглядом и перестает излучать позитив. Как раз в этот момент происходит того, от чего моё сердце сжимается до появления острой боли по всему периметру грудной клетки.

Кристина виснет на шею Маршала и целует его. Я тут же отворачиваюсь и делаю глоток чая, который обжигает слизистую. Кривлюсь.

— Лиз... — с сочувствием произносит Инна, будоража мою нервную систему уровнем жалости, который читается в ее глазах.

— И с чем твой чудо-блинчик?

Инна: Зря ты не пришла. Маршала и Крис все равно нет. Опять...

Я пропитана усталостью после бессонной ночи и не способна адекватно воспринимать информацию об Антоне с Кристиной. В голове не укладывается то, что они вчера были вместе и... Он, конечно, мне ничего не обещал, да и не встречались мы, но кадр с их поцелуем до сих пор стоит перед глазами. У меня было много времени, чтобы подумать о своей реакции на их встречу, и я пришла к выводу, что безответно втюрилась в Маршала. Я так старательно пыталась уберечь себя от привязанности к популярному парню, что достигла обратного эффекта. Моё сердце бьется с перебоями, когда он рядом. Вот только чувства односторонние. Пусть вечером он стучал в окно и хотел встретиться, но я отключила звук на телефоне и по-детски хранила молчание. Мне нужно переварить собственное открытие и свыкнуться с мыслью, что с ним мы просто друзья и не больше.

Лиза: У мамы вечером выставка. Хочу подготовиться.

Инна: Да, я знаю. Там все наши вертеться будут.

Удивленно округляю глаза, прочитав сообщение Ростовой, и нервно слатываю. Я не подумала о том, что на выставке могут собраться одноклассники.

Инна: Наши в смысле предки. Вряд ли Лабуков припрется. Не переживай.

Лиза: И ты придешь?

Инна: Да. Папа не принимает возражений. Установление полезных связей и все такое...(((

Хорошо. Хоть не буду одна. Я даже испытываю облечение. Пусть с Ростовой мы не стали лучшими подругами, но она всегда оказывалась поблизости и не унижала меня. Это уже многого стоит.

— Лиза, обед готов, — Жанна заглядывает в комнату, — тебе легче?

— Угу, — отворачиваюсь и прячу красные от стыда щеки. Чтобы не идти в гимназию, я соврала. Сказала Жанне Павловне, что чувствую себя плохо и скорее всего простыла. Сейчас мне неловко из-за своего вранья, но я не могу пойти на уроки и встретить там Маршала или Кристину. Я пока не готова.

— Жду тебя, — она тихо прикрывает дверь, а я откидываю голову к спинке дивана и смотрю в потолок. Я обессилена и не настроена на посещение выставки. К тому же нужно принять решение, вернусь ли я в родной город или останусь здесь. Сейчас я больше склоняюсь к положительному ответу, но сомнения все еще присутствуют.

Я заставляю себя подняться с дивана и пойти обедать. Пищу поглощаем молча. Жанна с кем-то переписывается, а я жую и думаю о предстоящем вечере. Я ни разу не посещала такие мероприятия. В прошлом Жанна Павловна «баловалась» созданием картин. Никто не воспринимал ее мазню за полезный вид деятельности. Только папа хвалил, и я радовалась, хоть и не понимала того, что мама хотела передать замысловатыми мазками. После обеда мы начинаем подготовку к великому торжеству, и я долго рассматриваю свое отражение в зеркале. Когда передо мной стоит выбор между юбкой или платьем и брюками, я, конечно, отдаю предпочтение последним, но сегодня у меня нет такой возможности. Жанна принесла мне синее платье с неглубоким вырезом в области груди и скромным разрезом чуть выше колена. Образ дополняется черным клатчем и полуботинками на устойчивом каблуке.

Укладку делаю сама, отказываясь от предложения Жанны вызвать специалиста.

Закалываю волосы на затылке и подкручиваю концы. С макияжем особо не стараюсь. Рисую стрелки и подкрашиваю ресницы. Остаюсь равнодушна к тому, что вижу в зеркале, потому что все это время пребываю в каше из мыслей о школе, Маршале, Кристине, Жене, тетке и вообще жизни. Ближе к вечеру за нами приезжает такси, и я чувствую себя крайне взволнованной, не пытаюсь отказаться от пальто Жанны, которое она накидывает мне на плечи. На улице морозно, и я ежусь, садясь на заднее сиденье машины. В салоне тепло и пахнет мандаринами, словно на носу новый год, и я хмурюсь, глядя в окно, пока автомобиль движется по нужному адресу.

Жанна ерзает на сиденье на протяжении всей дороги. Наверное, волнуется, но я не могу выдать из себя ни слова, чтобы ее приободрить. Мы, как чужие, выбираемся из такси и входим в светлое здание с слепящей вывеской.

— Мои работы в том зале, — она проводит меня в маленькую комнату, где мы оставляем верхнюю одежду, и после ведет в зал с картинами. Я останавливаюсь на входе, рассматривая помещение, в котором не так много народа. Все при параде. С высокомерно задранными носами. Стены зала выкрашены в светло-серый цвет. От них веет холодом, и я прижимаю к себе клатч, пока Жанна разговаривает с какой-то женщиной. Не понимаю, зачем она меня сюда притащила, если собирается отпустить обратно к тете Лене... Я совершенно не вписываюсь в обстановку и чувствую себя бельмом в глазу. Кажется, что каждый человек разглядывает меня, как ученый неизвестную ему бактерию под микроскопом. Веду плечом, чтобы прогнать неприятное ощущение и отхожу в угол, чуть не сбивая с ног парня с подносом в руках. Бокалы звенят, но остаются целыми. Извиняюсь перед ним, краснея, и проклиная себя за то, что согласилась прийти сюда.

Следующие тридцать минут провожу в тоске, смотря на то, как Жанна порхает от одного посетителя к другому и улыбается так, словно живет последний день. Того и гляди, что губы лопнут от усердия, с которым она это делает. Я жалею о том, что не взяла с собой телефон, и начинаю ходить от картины к картине. Они странные. Я не понимаю посылы Жанны и готова заменить одного из официантов, чтобы не торчать здесь просто так. Хорошо, что приходит Инна вместе со своими родителями. С ее появлением в помещении теплеет, или это всего лишь мои фантазии.

— Ты потрясающе выглядишь! — взвизгивает шепотом, когда ее родители отходят в Жанне Павловне для светского приветствия.

— Ты тоже, — улыбаюсь, а Ростова отмахивается. На ней черное короткое платье и высокие сапоги. Выглядит модно и круто. Я несколько не солгала, но Инна не принимает мои слова всерьез.

— Маршал тоже здесь, — тихо говорит Инна, и моя спина моментально выравнивается, — не Антон, а его отец, — стреляет глазами в дальний угол, где стоит высокий мужчина. Он следит за тем, как расставляют оборудование для презентации. Не знаю, что там будет, но прочитала в брошюре. — О... — как-то не радостно выдыхает Ростова, и мне не удастся изучить отца Антона. В зал входит Кристина. Улыбается. Ведет взглядом по помещению, пока не находит меня. — Приперлась же, гадюка. Не обращай внимания. Сегодня ваш звездный вечер.

Ага. Киваю Инне, но не могу перестать вести зрительную войну с Кристиной. То, что она светится от счастья, наводит на странные мысли, и я качаю головой, когда та первая отворачивается. Вечер обещает быть очень «веселым»...

В течение получаса зал наполняется людьми, среди которых практически все мои новые одноклассники. Самое ужасное, что на пороге галереи появляется Лабуков. Его я ожидала увидеть в последнюю очередь, как и Инна. Она перестает улыбаться и хмурится, отводя меня за локоть в сторонку, чтобы никто не подслушивал.

— У меня такое ощущение, что скоро вскрыется диверсия, — она прищуривается, когда мимо проходит Кристина в компании своих подружек, — чего они все приперлись? — Я лишь пожимаю плечами.

— Родители заставили.

— Пф-ф-ф, скажешь тоже. наших заставишь. Всегда найдут тысячу отмазок, чтобы избавиться от скучного мероприятия. Не нравится мне это.

Я молчу и окидываю зал равнодушным взглядом. Подозрения Ростовской не вызывают у меня отклика. Я лишь повторно испытываю отвращение к ребятам. На этом все. Но нервная система подает сигналы бедствия, когда мама легким жестом руки подзывает меня к себе. Я выжимаю из себя улыбку для Инны и направляюсь к матери. Она так искренне растягивает губы в дружелюбии, что мне становится не по себе. Впиваюсь пальцами в клатч и замираю в шаге от нее и ее гостя. Сердце распирает от жгучего ускоренного ритма, и я еле нахожу в себе силы, чтобы посмотреть на мужчину.

— Лиза, познакомься, Виктор, — Жанна произносит его имя с явным намеком, — Витя, это моя дочь, Лиза.

Спасибо за ужин!

Виктор

Слова из записки, которую я тогда достала из лепестков роз, моментально всплывают в памяти и поражают клетки мозга не хуже раковой опухоли. У меня так сильно бьет в виски, что я глохну.

Родители разводятся, хочешь уйти? Я пойму...

— Очень рад знакомству с тобой, Лиза, — улыбается отец Антона, а я глупо растягиваю губы в ответ, хотя готова поспорить, что выгляжу, как неудачное чучело животного, — я здесь тоже не один, а с сыном, — Виктор ведет взглядом по залу, усиливая приток крови к области сердца, и кивает кому-то, — вот и он, — спину опаливает горячим потоком воздуха, и я неестественно выравниваюсь, ощущая, что Маршал приближается, — Антон, мой сын, — указывает на одноклассника, который поравнялся со мной, — Жанна, Лиза, — представляет нас с мамой, а у меня перед глазами мелькают черные пятна.

Мама в больнице... я был с ней...

— Мы знакомы, — холодно доносится со стороны Антона, — учимся в одном классе.

...она подавлена из-за развода с отцом, а он...

Не нахожу в себе сил, чтобы посмотреть на него, и нервно сплываю, не справляясь с эмоциями, которые обрушиваются на меня вместе с осознанием происходящего. Боже... Как же так...

Он другую себе нашел... на мать ему плевать. Давно...

— Да? — удивленно отвечает Виктор, на что Антон усмехается.

— Как будто ты не знал.

— Антон, не начинай.

— Не я начал.

Я не знаю, как матери помочь. Она с ума сходит из-за его измены, в буквальном смысле.

Пока в голове раздаются оглушительные удары барабана, я поворачиваюсь к Маршалу и не моргаю. Серьезное лицо. Ни грамма удивления или злости. Он спокоен. Убивает наших родителей лишь взглядом. Сердце переворачивается, когда Антон с усмешкой пробегает глазами по Жанне.

Я... Я его ненавижу. И ее ненавижу. Пока моя мать поддерживала отца во всем, та... женщина ложилась под него... я не могу адекватно реагировать на его предательство. Для меня это перебор.

— Лиз, отойдем? — его голос режет по мягким тканям хлеще острого ножа, и я не сразу понимаю, чего хочет Антон. — Вы же не против, что мы познакомимся поближе? — дергает меня за локоть и задает вопрос родителям уже на ходу.

— Антон... — Виктору не нравится инициатива сына, а Жанна и вовсе растерянно хлопает ресницами.

— Я ничего ей не сделаю, — цедит сквозь зубы, — мы просто поговорим.

Не успеваю переводить взгляд с одного на другого. Ужасное чувство стыда за поступок матери затапливает меня с головы до пят, и хочется скрыться от любопытных взглядов, особенно полного ненависти и принадлежащего Кристине. Я с трудом передвигаю ноги, пока с противоположной стороны слышится приветствие Жанны. Наступило время презентации.

— Я не знала... — шепчу, когда Антон останавливается и отпускает мой локоть. Его движения плавные, но глаза выдают истинное состояние. Я не хочу, чтобы он и меня ненавидел...

— Я в курсе, — цедит сквозь зубы, — может уйдем?

— Я... — хочу сказать, что согласна, но звук резко обрывается, и вместо голоса Жанны я слышу свой собственный. Медленно поворачиваю голову к экрану и холодею.

Бесит Жанна!

Мне было двенадцать, когда папа умер. Он находился в командировке в другом городе, расширял свой бизнес и на обратном пути попал в аварию. Уснул за рулем. Его долго оперировали и не смогли спасти.

...она с ума сходила. Так сильно плакала, что... Это было невыносимо... Я проснулась ночью от того, что Жанна нависала надо мной. В темноте... У нее были безумные глаза. Она твердила, что спасает меня, и затолкала в кладовку. Я кричала, звала ее, а внутри было темно и страшно. Я там больше суток просидела, пока меня не нашли. Я... Я... Я всюду слышу ее. Я такого страха никогда не испытывала...

Шум в ушах перекрывает все. Я не могу оторвать взгляда от экрана и отрицательно качаю головой, не веря в происходящее.

Это ведь не может быть правдой?!

Огромная лужа крови в гостиной... Она до сих пор стоит у меня перед глазами... ее на время упекли в психушку. Жанна неадекватная совсем... Жанна бросила... мама уехала из города. Она со мной даже не попрощалась... А месяц назад явилась и забрала меня сюда... Думает, что сможет своей показной любовью скрасить годы своего отсутствия... Я не знаю, как относиться к тому, что она снова в моей жизни и может с кем-то встречаться... у нас счастливая семья... это совсем не так. Жанна меня не знает, не

спрашивает, как я жила, пока ее не было, а... Она, будто роль играет. Всегда любезная и любящая. Меня тошнит от ее заботы и проявления чувств.

Последние кадры и вовсе меня добивают. На них моя истерика в подсобке... Крупным планом...

Ни одна система не может выдержать того ужаса, который охватывает меня от просмотра смонтированного видео. Все присутствующие обращают свои взгляды в мою сторону, и от них хочется укрыться. Чем быстрее, тем лучше. Я никогда не попадала в такую позорную ситуацию, и сейчас не знаю, как справиться с болью, вызванной тисками, которые сдавливают сердечную мышцу. За считанные секунды мозг анализирует полученную информацию и убивает последнюю надежду на то, что Маршал к этому не причастен. Я бросаю на него взгляд не в состоянии пошевелить губами, чтобы сказать едкие слова, которые застывают на языке. КАК ТЫ МОГ?! КАК ТЫ МОГ СО МНОЙ ТАК ПОСТУПИТЬ! Из меня сочится боль. Через каждую пору вылетает в направлении Антона. Но ему все равно... Я это понимаю заторможено... По той позе, в которой он застывает, когда я делаю шаг назад к выходу из зала. Кажется, что стены рухнут на меня от давления гостей, собравшихся на выставке Жанны.

О ней думать не хочу. Отгоняю прочь навязчивые мысли, но успеваю заметить взгляды одноклассников, когда срываюсь с места и вылетаю из помещения, наплевав на то, что я без верхней одежды. В кожу вонзается тысяча иголок, которые приносит холодный осенний ветер, но я лишь обнимаю себя руками и бегу в неизвестном направлении. Желание провалиться сквозь землю настолько сильное, что я не обращаю внимания на боль в ноге, когда оступаюсь и падаю боком на асфальт. Именно в этот момент меня прорывает. Слезы бурным потоком вырываются из глаз, и я просто сижу в полутьме около какого-то здания, содрогаясь от холода и тихих рыданий. В голове пролетают фразы Антона о его родителях, о том, насколько сильно он ненавидит отца за предательства, а его новую пассию и подавно...

Я давлюсь слезами, понимая все взгляды Маршала и слова. Верчу головой из стороны в сторону, ведь сердце отказывается принимать тот факт, что он намеренно унижил меня. Нет! Не могу в это поверить! Просто не могу...

— Лиза?! — не сразу распознаю голос Ростовской среди шума собственных догадок. — Поднимайся! Давай! — Инна помогает мне встать на ноги и всматривается в лицо, пока я усердно отвожу взгляд в сторону.

Я не могу сейчас разговаривать о том, что все увидели. Теперь каждый, кто находился в зале, знает о тайнах нашей семьи, о моем паническом страхе и ненависти к матери... Что может быть ужаснее?! Наверное, моя наивность...

— Пойдем, Лиз, — Ростова не донимает меня вопросами и ведет к машине, — мы отвезем тебя домой. Боже... Ты вся продрогла...

Стоит отказаться от ее помощи, но я, не произнося ни слова, следую за Инной и сажусь на заднее сиденье авто. За рулем сидит ее отец. Я смотрю лишь на свои руки и чувствую жуткое напряжение, которое сковывает все тело. Инна треплет мои плечи руками и ни о чем не спрашивает. Не видя лиц Ростовых, чувствую их жалость и еще больше холодею изнутри. Происходящее превращается в страшную версию моей жизни, и я в ней утопаю в одиночку. Как всегда... Сдерживаю слезы, пока машина движется по темным улицам города, и благодарю Инну кивком, когда мы оказываемся около знакомого подъезда.

— Я провожу тебя до двери, — порывается одноклассница пойти со мной, но я отрицательно качаю головой, — точно? Ты только не пропадай с радаров, — обнимает меня напоследок, — все наладится...

И снова кожу неприятно холодит от жалостливого взгляда Инны. Словно я беспризорная собачонка, которую выбросили на улицу, потому что она не соответствует ожиданиям. Не ощущаю прохлады дверной ручки и долго сжимаю ее пальцами прежде, чем скрыться в темном подъезде. Бросаю взгляд на пустой лифт и выбираю путь подольше — лестницу. Иду, роняя слезы на каждом шагу, вспоминая, как мы с Антоном сбегали из дома. Сердце работает на разрыв, обливаясь кровью, как я соленой влагой. Нос перестает дышать. Слизистая отекает. Сиплю, как побитое животное, и останавливаюсь на площадке нашего этажа. Из квартиры, в которой живет Антон, выходит женщина. Она тяжело вздыхает и бьет ладонями по карманам. Я бы могла подумать, что это его мать, но выглядит старше.

С гулом в голове прохожу к двери нашей квартиры и борюсь с застежкой на клатче. Пальцы не слушаются. Окоченели от холода.

— Вы случаем не знаете, куда делся ваш сосед? — поворачиваюсь к женщине и не моргаю, пока она внимательно осматривает меня.

На вид ей лет пятьдесят. Больше смахивает на его бабушку, но...

— Что-то случилось? — хриплю, сгорая от стыда за свой голос. Женщина хмыкает.

— Как сказать, — разводит руки в стороны, — оставил в квартире вещи, а ключи отдал и квартплату тоже...

— Квартплату? — колени становятся ватными, и в глазах темнеет, когда последние детали складываются в единую картинку.

— Да-а-а. Странная молодежь пошла. То убегают и про деньги забывают, а тут за аренду СТОЛЬКО отдал и вещи забирать не захотел...

Женщина уходит, не получив от меня внятного ответа. Я ошарашена реальностью. В замедленном темпе двигаюсь вперед.

Оказываясь в квартире, не сразу понимаю, что укрыта от посторонних глаз. Кажется, что весь ужас, испытанный в галерее, превращается в яд, расщепляется на молекулы и поражает размякшие ткани, окончательно добивает меня. Ноги практически не чувствую и, не разуваясь, иду к себе в комнату, чтобы сделать свое укрытие более надежным, хотя... Чертова защита, которую я так старательно вокруг себя создаю, ничего не стоит! Мне хочется выть от боли, которая обосновалась в груди. Она беспощадно пускает там корни, обливая кровью все органы, как токсичными сиропом. Я издаю странные стоны-всхлипы, обнимая себя руками, но не могу сдержать их внутри. Они бесконтрольно вырываются наружу. Искрами разлетаются по пространству вокруг меня, как чертов салют ударяют! И я замираю посреди комнаты, не включая свет, плачу так, как никогда не плакала. Я не хочу верить в то, что Антон мог со мной так поступить, но все факты указывают на его предательство. Маршал всегда знал, что я дочь любовницы его отца, и связался со мной только из-за мести...

Я громко взываю, понимая, что все слова и поступки были продуманными, купленными, фальшивыми насквозь. Если бы я была внимательнее и послушала Инну, то не оказалась бы опозоренной. Мне плевать на людей, которые пришли к Жанне на выставку. Я убита одним человеком. Антоном. Тем, кому я доверилась. И сейчас разваливаюсь на куски, крутя головой, словно механическая кукла. Не верю! Боже! Я не верю, что он так со мной поступил...

Облизываю соленые губы и пытаюсь погасить истерику, которой меня сильно накрывает. Смотрю на телефон, вибрирующий на столе, и не шевелюсь. Кажется, нейронные связи в организме разорваны и не подлежат восстановлению. Я пребываю в потерянном

состоянии, пока в комнату не залетает Жанна. Ее появление в один миг выводит меня из оцепенения и заставляет занять оборонительную позицию.

— Не подходи ко мне... — выставляю руки перед собой и верчу головой из стороны в сторону. Меня так сильно трясет, что изображение перед глазами превращается в нечитаемую беспорядочную рябь.

— Лиза... Не отталкивай меня... Я тебе все объясню... Пожалуйста... Я же не знала.. Дочка... — Жанна тянет ко мне руки, от которых я изворачиваюсь, будто это оголенные провода, и меня убьет разрядом тока.

— Уйди... Ты все портишь... Все...

— Лиза... — всхлипывает, а я грубо отталкиваю ее от себя.

— Уйди! Зачем ты совалась к ним?! Ты... Ты... Ты... Я даже не знаю, кто ты после этого... — то взвизгиваю, то совсем затихаю, что сама с трудом себя слышу. — Боже, Жанна... Ты портишь все, к чему прикасаешься... Теперь видишь?! Видишь?! — губы дрожат, когда часто моргаю и указываю на нее. — Ты с женатым человеком связалась... Я поверить не могу...

— Все не так, Лиза...

— Не лги мне! Не лги! — жадно тяну воздух, теряя возможность нормально дышать. Легкие обжигает, и глаза наполняются слезами. — Мне Антон все рассказал, как ты... Вы... Ненавижу тебя... Ты даже представить себе не можешь, как сильно я тебя ненавижу... Когда ты рядом, мне постоянно больно. Постоянно что-то случается, и я не могу больше... Я видеть тебя не хочу! Уходи! Уходи! — толкаю ее руками к выходу. — Уходи же! — не рассчитываю силу, и Жанна ударяется плечом о дверь прежде, чем оказаться в коридоре.

Она что-то говорит, но я закрываю уши руками, ногой толкаю дверное полотно и наваливаюсь на него, блокируя ее попытки войти в комнату. Уже нет сил сдерживать слезы и вой, который рвется из груди. Чтобы не оглушить саму себя, закрываю рот рукой и плачу во всю мощь. Останавливаюсь, когда силы покидают тело. Меня, словно ватой набили. Будто я чертова оболочка, лишённая содержимого из-за своей непригодности. Из коридора не доносится и звука, зато мой телефон без устали вертится на столешнице. Я провожу языком по пересохшим соленым губам и иду к столу. На экране высвечивается очередное оповещение о звонке от... Антона, но я смахиваю их так же, как и сообщения, не глядя в содержимое. Оглядываюсь на дверь и, медленно выдохнув, выхожу на балкон. Босиком. Не боясь простудиться. Ищу в контактах нужный номер и с замирающим сердцем слушаю череду длинных гудков.

— Слушаю, мелкая Лиза! — со смехом слышится из динамика, и я громко всхлипываю. — Лиза? Что случилось?

— Дядь Стёп, — взываю неестественно, — забери меня отсюда... Пожалуйста... Забери...

Прикусываю губу, чтобы сдержать очередной приступ плача, и поднимаю голову вверх. С неба медленно падают огромные первые снежинки, и я прикрываю веки. Ничего уже не будет, как прежде... Но пусть заберет... Господи, пусть он меня от нее заберет...

— Располагайся, — Степан Андреевич кидает ключи на тумбочку и указывает мне на дверной проем, через который виднеется стильная гостиная, — я сейчас заварю нам чай.

— А можно кофе? — опускаюсь, чтобы развязать шнурки на ботинках, и увожу глаза от внимательного взгляда друга отца. Мне до сих пор не по себе от того, что произошло. Из головы не выходит. Картинки позора постоянно мелькают на горизонте.

— Я и сам не откажусь, — дядя Стёпа улыбается, когда я поднимаюсь, — пойдём. Покажу тебе комнату и схожу за вещами. Как раз кофе куплю. Хозяюшка из меня так себе.

Мы проходим через гостиную в небольшое помещение. Минимум деталей интерьера. Холодные тона. Шкаф, кровать и тумбочка. Большое окно.

— Уют еще создать нужно. Я же мотаюсь из города в город, — словно оправдание, звучит от Степана Андреевича, — сделаешь все, как тебе хочется. Можешь даже стену плакатами залепить. Только улыбайся.

И я растягиваю губы в улыбке. Скромной, но вполне искренней. Я ТАК сильно благодарна дяде Степе, что глаза щиплет от слез, но я усердно моргаю, чтобы не сорваться на очередную истерику. Не знаю, о чем они говорили с Жанной ночью, но так слова не произнесла, когда Степан Андреевич забрал меня. И хорошо, потому что я не хотела ее видеть и слышать. Случившееся на выставке врезалось в память, как перманентное вещество в кожу.

— Все будет хорошо, мелкая Лиза, — дядя Степа прижимает меня к себе и треплет пальцами мои распушенные волосы.

— Она рассказала, что случилось?

— Да, — Степан Андреевич с тяжелым вздохом отпускает меня и убирает руки в карманы брюк, сводя брови на переносице, — если ты не готова сейчас обсуждать это, то оставим на потом.

Нет. Не готова. Киваю вместо ответа и чувствую, что сердце вновь обливается кровью, стоит только упомянуть вскользь о торжественном мероприятии.

— Я тоже, если честно, — дядя Степа посмеивается, и я следом за ним, ощущая, как спадает напряжение, — но мне есть, что тебе сказать. Только сначала кофе, — целкает меня по носу и уходит, оставляя в комнате совершенно одну.

Меня это ни капли не смущает. Я даже рада, что мне не придется ютиться в комнатке у тети Лены. Я снимаю куртку, бросаю ее на кровать и тянусь к телефону, на экране которого до сих пор висят сообщения от Антона. Не знаю, что он хочет мне сообщить... И не хочу знать! Видео сказало все за него. Вчера мне не хватило смелости, чтобы стереть его контакты, а сегодня я переполнена решимости, поэтому удаляю чат с Маршалом, не глядя в содержимое, блокирую его номер, захожу в соцсети и проделываю тоже самое. Все профили закрываю от посторонних глаз, оставляя в друзьях лишь единицы. После выставки многие захотели высказать свое мнение и не стеснялись в выражениях... Я выдыхаю с облегчением, очистив телефон от Маршала и его присутствия в моей жизни. Слабая помощь в самореабилитации, но все же...

Инна: Мне тебя не хватает...:(:(Как ты?

Лиза: Только приехали. Буду разбирать сумку. Все хорошо.

Отправляю, но тут же строчу еще одно сообщение.

Лиза: Правда хорошо;).

Преувеличение. Не хочу, чтобы Ростова меня жалела. Я благодарю ее мысленно за то, что не начинает ту самую речь, которую я заслужила. *Я же говорила...* И все в этом духе. Когда встаю на ноги и подхожу к окну, в квартиру возвращается дядя Стёпа. В его руках три больших бумажных стаканчика с кофе на подставке, пакетик с пончиками и пара сумок с вещами.

— Жанна что-то передала, — пожимает плечами, когда я хмурюсь, глядя на его поклажу.

— Нужно выбросить, — понимаю, что там те вещи, которые она мне купила в качестве компенсации отсутствия материнской любви. Не хочу к ним прикасаться и чувствовать энергетику Жанны Павловны. Желание стереть дни, проведенные с ней, настолько сильное, что я готова пройти какую-нибудь сомнительную медицинскую процедуру и вовсе забыть о ее существовании.

— Как скажешь, — дядя Степа оставляет сумку у порога, а мою у шкафа, и протягивает кофе. Я беру стаканчик и...

— Три?

— Позже поймешь, — усмехается, окидывая комнату придирчивым взглядом, — все, что нужно докупим. Стол, стул, ноутбук... И да, Лиза, скоро твое восемнадцатилетие, — киваю, делая глоток бодрящего напитка, а Степан Андреевич протягивает мне огромный пончик, — твой отец подготовил хороший подарок. Тише! — давлюсь пончиком и начинаю кашлять. — У тебя есть счет с весомой суммой. Позаботился о тебе папка, — печально усмехается, — как знал. В общем, когда ты станешь совершеннолетней, сможешь воспользоваться деньгами. Накопления уже не хилые. Даже завидую тебе.

Кажется, у меня сердце останавливается. Кусочек пончика встает поперек горла, и я слова вымолвить не в состоянии. Папа...

— С Леной я поговорил. У нее проблемы с сыном, и она не захотела тебя снова брать к себе. Я уже жалею, что сразу тебя не забрал. Работа, чтоб ее...

— Все нормально, — у меня получается выжать из себя улыбку, пока Степан Андреевич смотрит на меня виноватым взглядом.

Дядя Степа хочет сказать что-то еще, но входная дверь громко хлопает. Я округляю глаза, а он усмехается. Сердце подпрыгивает от удивления и радости, когда в дверном проеме появляется улыбающаяся Женья.

— Лизка-а-а! — чуть не сбивает меня с ног, стискивая в объятиях. Я ловлю взгляд Степана Андреевича и понимаю, почему стаканчиков с кофе три. — Я так рада! Ты представить не можешь, как сильно! — она отлипает от меня и водит большими пальцами по моим щекам. — Я их всех зарюю заживо, поняла?! Вот прям сейчас. Только скажи. — С улыбкой качаю головой, но глаза предательски жжет. — Все будет хорошо. Вот увидишь, — она снова обнимает меня, а я с благодарностью шепчу дяде Степе одно слово.

— Спасибо.

Больше книг на сайте - Knigoed.net